

Бандеровка

Часть 1

В Киеве цвели каштаны. Воздух был наполнен зноем и пылью. Слабый ветерок не спасал от жары, а лишь запутывал волосы худенькой длинноногой брюнетки. Она шла быстрой легкой походкой вдоль дороги. Мимо с шумом проносились машины. По левую сторону тянулся парк, и Богдана могла бы сойти в него и продолжить свой путь по одной из тенистых аллей. Но их расслабляющая тишина была не для нее, ей нравилось чувствовать быстрый ритм жизни, слышать гул пролетающих моторов. Осталось добежать до конца парка и войти во дворик – и вот она уже у своих старых друзей. Сегодня она даже не опаздывала. Обычно ее задерживали на работе дела: незаконченный монтаж, срочная новость, подготовка к завтрашней съемке; а сегодняшний день не преподнес никаких сюрпризов, он прошел быстро и по-майски лениво. В телевизионном мире все было спокойно и даже скучно. Богдана с нетерпением ждала начала нового сезона, суету вокруг свежих проектов, мозговые штурмы, интервью с интересными людьми и работу, работу...

Богдана взлетела по лестнице на четвертый этаж. В этой квартире каждую среду Света и Боря, семейная пара, с которой она была знакома еще с журфака, собирали друзей для игры в покер. Их двери были открыты для всех знакомых, а порой и мало знакомых, но неглупых и веселых

людей.

– Сейчас я тебя кое с кем познакомлю, – шепнула Светка, впуская нашу героиню в квартиру.

Богдана улыбнулась и начала развязывать шнурки конверсов. Подруги давно уже пытались найти ей парня. Но это была слишком сложная задача. Иногда Богдана даже ходила с кем-то на свидания, но кроме разочарования ничего не чувствовала. Она зашла на кухню. Из-за плеча Бори на нее внимательно смотрел молодой парень с голубыми глазами и светлой, торчащей вверх челкой.

– Хей! Привет! – весело крикнула она.

Хлоп! Хлоп! Дважды прозвенело «высокое пять».

В комнате уже слышались голоса и смех остальных гостей, Светка звенела бокалами.

– Меня зовут Саша, – громко сказал парень, пытаясь перекричать всю эту какофонию.

На вид Саше было немногим больше двадцати, среднего роста, худощавый. Он явно был смущен. «Сразу видно, что не из телевизионщиков, – подумала Богдана. – Где же они его нашли?»

– Кто тебе рассказал об этом чудесном месте?

– Да вот друзья пригласили, – ответил он, поведя плечами в сторону хозяев квартиры.

– Санек – мой родственник из России! – выпалил Боря.

– Из Волгограда, – вставил тот робко.

Вообще-то он был симпатичным: правильные тонкие черты

лица, красивые губы с белой полоской ровных зубов.

Добрый, наивный взгляд подкупал дружелюбием.

– Это у вас Родина-мать огромная? – вспомнила Богдана.

– Да, – Саша закивал головой.

– А нашу уже видел? А сколько в вашей метров? – как журналист Богдана задавала много вопросов.

– Восемьдесят пять. Выше только несколько скульптур Будды и статуя Свободы, но всего лишь на пять метров, и то благодаря огромному постаменту, на котором стоит, – парень оживился, руки перестали сиротливо теревить футболку.

– А сколько наша Батькивщина-мати, не помните, Свет, Борь? – Богдана оглянулась и увидела, что ребят уже нет на кухне. – Ладно, сейчас погуглим!

Она достала из сумки телефон и принялась искать ответ на свой вопрос.

– Что ты пьешь: вино, сок?

– А? Да кофе обычно... литрами! – засмеялась.

– Инсульты, давление, бессонница? Не-е-т, не слышала!

– Ой, камон! Не будь занудой!

– На самом деле я – зануда.

– Эй! Ты обманул меня, – вдруг вскрикнула Богдана, глядя в телефон.

Саша встрепенулся и чуть не пролил вино себе на джинсы.

– Наша Родина-мать выше! У нее 102 метра!

– Не может быть! Дай посмотрю! – Саша аккуратно взял

телефон – и некоторое время внимательно всматривался в экран.

– Итак, объясняю популярно, – начал он.

– Не умничай, пожалуйста!

Он широко улыбнулся.

– 102 метра – это с постаментом. А скульптура сама – 62.

– Ах, русские, все у вас самое большое, – засмеялась Богдана.

– Не знаю, почему тогда Статуя свободы считается с постаментом, – сказал он, продолжая читать статью. – Тогда ведь она ниже наших памятников, и совсем другая последовательность получается.

– Наша выше?

– Нет, – все равно наша!

– Ну ты зануда!

Они расхохотались.

– Ты в гости приехал?

– Я – графический дизайнер, меня пригласили сюда работать, айтишная фирма.

– Надолго?

– На год точно, а там посмотрим, – Саша пожал плечами и взглянул на Богдану.

Что-то в этом взгляде заставило ее отвести глаза. Наверное, он был слишком открытым и прозрачным, как будто она заглянула туда глубже, чем было положено при первом знакомстве. Богдана обвела взглядом кухню, но ни на чем не

смогла сконцентрироваться.

– Очень жарко, – сказала она тогда.

Она прошла к окну и открыла его нараспашку, впустив в кухню свежесть весеннего вечера. Пахнуло сиренью, еще каким-то сладким цветком. Заверещали кузнечики. Саша тоже подошел к подоконнику. Внизу плотным шатром закрывала землю зелень.

– Еще пару недель назад здесь все было видно аж до рынка на той стороне, а сейчас – листья перекрывают, и кажется, что дом в парке находится, – сказала Богдана.

На улице был тихий май 2013 года. Саше и Богдане было по двадцать пять лет, они были молоды и мечтали о переменях. Богдана дышала полной грудью. Как будто зимой из аэропорта она вдруг попала на южный курорт. Вышла из самолета – и внезапно почувствовала десятки теплых ярких ароматов и резкий запах моря. Она прикрыла глаза.

«Неужели еще вчера был этот запах, а я не чувствовала?»

Саша пошел провожать Богдану. Вечера еще были прохладные. По спине время от времени пробежал озноб. Саша и Богдана медленно шагали вдоль аллеи к остановке. Темные тени и яркие фонари отсчитывали минуты до расставания. Богдана громко разговаривала и широко размахивала руками. Она чувствовала прилив сил. Саша, наоборот, притих и был задумчив, рассеяно улыбался ее шуткам.

– Давай обменяемся телефонами! – предложил он, когда они

подошли к остановке.

– М-м... – потянула Богдана. – диктуй свой, я запишу – и потом сама перезвоню тебе!

Она широко улыбнулась. Саша зашарил по карманам в поисках телефона, свой киевский номер он еще не запомнил наизусть. Они попрощались, пожав друг другу руки.

Подкатил автобус, – и черноволосая девушка, впорхнув в двери, легко, как птичка, укатила куда-то вглубь красивого ночного города.

* * *

В пятницу в шесть вечера Богдана решила прыгнуть с парашютом. Желание пришло внезапно. Она пила кофе в столовой у себя на работе и болтала с одним из редакторов. Он рассказывал ей историю съемки какого-то американского фильма. В одной из сцен герой должен был упасть с огромной высоты. Каскадером был опытный бейсджампер. Он прыгал из самолета, его снимали в свободном падении, – и только приблизившись к земле на критическое расстояние, он раскрывал парашют. О времени, когда пора было дергать за кольцо, ему сообщали по рации. Но возникли проблемы со связью, и каскадер с высоты две тысячи метров врезался в землю. К счастью, он упал в сугроб. Поломал позвоночник и несколько ребер, но остался жив. Зато эпизод

был снят и вошел в конечный вариант фильма.

– А про что был фильм?

– Про войну.

– Люблю старые книжки про войну, – сказала Богдана.

Рассказ о безумном полете настолько захватил Богдану, что она тут же нашла контакты аэродрома «Чайка», позвонила и договорилась о прыжке. «Я хочу испытать это чувство свободного падения», – поняла она.

После нескольких дней подготовки она приехала на поле в приятном возбуждении. Сладко тянуло в животе, руки и ноги были, как на шарнирах. «Хочется петь и летать, летать и петь!» Богдана бегала по площадке, кружила других девочек, делала гимнастические упражнения.

– Эй! Скоро мы будем в облаках! Будем лететь, как птицы! Камон! – смеялась она.

Погода была беспокойная. Время от времени набегали тучи, – и начинал дуть ветер. У инструктора в глазах проскальзывали сомнения и тревога. Он долго осматривал снаряжение и парашюты, отдавал последние указания – и ждал, когда облака окончательно уйдут за горизонт.

Богдана прыгнула легко, без колебаний, с веселым гиканьем. Небо подхватило ее своей невесомостью. Внизу открылись зеленые поля, луга, черный город – далеко справа. Богдане показалось, что она зависла в пространстве, – и только потом почувствовала скорость, с которой летела вниз. Она открыла рот, чтобы закричать, и задохнулась от ветра.

Страх не было, только бешено билось сердце, и кровь как будто перестала течь, и свернулась в жилах. Богдана откладывала время открытия парашюта до последнего момента. Лететь, как птица! Ничем не связанная, только она – и мир! Земля приближалась, ее раскинутые руки хотели обнять эту планету. Богдана любила людей, никогда она не желала никому зла. Ее жизнь была светлой и ясной, прозрачной, как воздух, в котором она сейчас парила. Она принадлежала к тем немногим людям, которые сумели на долгие годы сохранить детскую радость, искренность и непосредственность.

Богдана раскрыла свой парашют поздно, его рвануло ветром, и удар о землю был сильным. Ее длинные тонкие кости не выдержали. Богдана сломала ногу. Она слышала, как хрустнула кость, тотчас внезапная боль пронзила ее до самой макушки. Ноги подкосились, и она рухнула на землю. Богдана лежала под ясным небом с редкими белыми облаками и старалась не двигаться. Разноцветные парашюты медленно опускались где-то далеко от нее. Мокрая от утренней росы трава лезла в лицо. Дикая боль пульсировала, казалось, во всем теле. Богдана сжимала зубы, чтобы не стонать. «Глубокий вдох, выдох! Нужно подумать о чем-то отвлеченном». Богдана представила, что она раненый на войне солдат. Она выполняла боевое задание, и ее подстрелили. И вот теперь, как в книгах о Великой Отечественной войне, истекая кровью, она лежит на

холодной земле, и ей остается только ждать, когда за ней придут. Она была спокойна, потому что знала, что придут за ней свои. «Как это: хотеть убить врага? – думала она. – А если бы он подошел сейчас и наставил на меня оружие? Но как можно хотеть смерти, когда такое яркое солнце и так пахнет весенняя трава? Как цивилизованное человечество могло быть так ослеплено, чтоб устраивать мировые войны? Семьдесят лет назад на этой земле проливалась кровь... Я вот так лежала бы, и мне так же было бы больно. Но бред, – какой все-таки бред!»

Богдана услышала крики бегущих к ней людей:

– Как ты? Главное, не шевелись! Что случилось?

– Нога, – простонала она. – Я сломала ногу!

Через несколько часов она уже была дома с гипсом до колена. Врач сказал, что носить его нужно как минимум месяц, а может, и больше, – смотря, как нога срастаться будет. Такого длинного отпуска у Богданы не было никогда. Чем занять внезапно появившееся свободное время? Она придвинула табуретку к дивану, забросила на нее ноющую ногу и щелкнула пультом телевизора. На экране появились знакомые лица телеведущих. Шла развлекательная передача, где команда женщин и команда мужчин соревновались в эрудированности. Им всем было очень весело. Богдана посмотрела немного и заскучала. Ей не нравилось быть зрителем.

Она грустным взглядом обвела свою комнату. Налево стоял шкаф, горка с книгами и всякой девчачьей дребеденью. Направо – большое до пола окно, занавешенное синем тюлем. Впереди на стене висели в рамках фотографии рок-певцов, картины и маленькие тарелочки с изображением разных городов, привезенные ею и ее друзьями из путешествий. Год назад она в этой комнате сама сделала ремонт: половина стен была оклеена синими обоями, а другая – оранжевыми. Дверь тоже была выкрашена в оранжевый цвет. Это была съемная квартира, куда она переехала три года назад после окончания журфака. До этого она жила со своим отцом, а еще раньше – с мамой и папой. Но они развелись, когда Богдане стукнуло 18. Мама переехала жить в Италию. Сейчас она была уже замужем за итальянцем. Примерно раз в неделю мама звонила Богдане, и они рассказывали друг другу новости. Похоже, мама скучала по Украине, но никогда не говорила об этом, только задавала очень много вопросов о знакомых и родственниках, о Тимошенко и Януковиче. Богдана никогда ничего не могла внятно рассказать об этих людях, чем разочаровывала маму. Она вздыхала, шутливо называла дочь скучной, саркастично комментировала ее восторженные рассказы о работе, передавала отцу привет и клала трубку. С папой у Богданы тоже были хорошие отношения. Три-четыре раза в месяц он заезжал к ней, привозил еду, что-то ремонтировал в квартире, иногда приглашал ее в ресторан и всегда дарил

подарки на праздники. Честно говоря, Богдана думала о семье не часто. Сейчас просто навяло одиночеством. Чтобы не скучать, она решила кому-нибудь позвонить. Перелистывая телефонную книгу, Богдана наткнулась на номер Саши из России. На несколько секунд она заколебалась. Мысли ее вернулись к тому пахнущему сиренью вечеру, к прогулке под желтыми фонарями... Но потом она вспомнила свои прежние разочарования – и пролистнула пальчиком список ниже.

* * *

В четверг Саша нервно хватался за телефон всякий раз, когда раздавался звонок. Слава Богу, звонили не часто. В пятницу было уже немного легче. В субботу он почувствовал разочарование и тоску. «Что же это такое? – думал он. – Почему я не могу с этим справиться? Почему я перестал управлять своими эмоциями?» Хрупкая черноволосая украинка не выходила из его мыслей. Он возвращался к ней снова и снова, чувствовал на себе ее взгляд, слышал ее смех. Это было, как наваждение. Приятное и тяжелое. Наваждение, которое нужно было развеять. Он вышел прогуляться по Киеву. Он чувствовал необходимость видеть людей, думать о ком-то или о чем-то другом, только не о Богдане. Он смотрел по сторонам, пытался всматриваться в лица прохожих. Но он ничего не

видел. Он лишь слышал, как в голове у него идет диалог, начатый три дня назад на кухне. Но только в этом разговоре он менее застенчив и более остроумен. Он заставляет черноглазую девушку хохотать без умолку, он легко подбирает темы для беседы, вспоминает сотню интересных историй. И этот разговор заканчивается тем, что Богдана улыбается и диктует ему свой номер телефона.

Сам не заметив как, Саша пролетел Крещатик, Бессарабку, Льва Толстого, пока не очнулся у большого парка. «Да что же это? – снова подумал он. – Как будто в мире больше нет других людей и интересных предметов!». Возле входа в парк стоял ларек, Саша подошел к нему, чтобы купить воды.

Остановиться, освежиться и выдохнуть! Перед ним в очереди стояли несколько человек. Высокий парень с татуировками на обеих руках вдруг повернулся к нему и сказал:

– Дождь будет. Моя собака роет землю – верная примета, – он кивнул головой в сторону парка.

Там на траве резвился молодой лабрадор ретривер бежевого цвета. Саша кивнул головой.

– Красивая собака, – ответил он, чтобы не показаться невежливым.

– Очень умная порода! Способен понимать до 250 слов. Но этот еще молодой, еще дрессирую его.

Парень купил бутылку пива, пожелал хорошего дня и направился к своему псу. Саша взял воду и шоколадку и

тоже пошел в парк. Он сел на пустую скамейку в глубине и позвонил старшему брату. В детстве они очень хорошо дружили, у них была разница в три года. Но вот уже лет восемь, как их интересы кардинально разошлись. Саша знал, что Леша сейчас на грани развода с женой. Мама просила поддерживать его.

– Привет! Как поживаешь?

– Да потихоньку. Что ты, в Киеве? Как оно там? – услышал он привычное ленивое растягивание.

– Все отлично. Снял квартиру. В офисе все нормально. Сейчас гуляю.

– Ага. Ну погода хорошая?

– Пасмурно. А ты как?

– Да потихоньку, живем!

– Мама в порядке?

– Ага, как обычно. Так, значит, все нормально, говоришь...

Разговор грозил превратиться в однообразное движение по замкнутому кругу. Напротив ретривер искал в траве брошенную палку, маленький мальчик залез на старое дерево, а парень в татуировках из очереди у ларька, покуривая, прогуливался недалеко по аллее.

– Ладно, передавай привет жене! У нее там все хорошо?

– Нормально, - отрывисто сказал Алексей и вздохнул.

И вдруг Саша увидел, что мальчишка поставил ногу на тонкую сухую ветку. Саша затаил дыхание. Ребенок подтянулся, чтобы стать на нее второй ногой, и в этот

момент ветка хрустнула, и мальчик с визгом свалился с дерева прямо на спину собаке. Ретривер взвыл, малыш заорал на весь парк.

– Слушай, давай потом договорим. Я перезвоню.

– Ну пока! Удачи тебе там.

Саша спрятал телефон. К дереву со всех сторон побежали люди. С причитаниями к ребенку подлетела толстая женщина в развевающейся юбке, по-видимому, его мать.

Она схватила мальчишку в охапку и начала осматривать его руки и ноги.

– Он укусил тебя? Где? Показывай! Ах ты пошла, тварь такая! – она замахнулась на собаку.

Ретривер, скуля, попытался отбежать, но тяжело присел на задние лапы и опустил голову. Наверное, ребенок перебил собаке позвоночник.

– Харлей, иди сюда! – крикнул хозяин.

Харлей только поднял морду на голос. Саше показалось, что в светлых собачьих глазах стояли слезы.

– Чья это собака? – не унималась толстая женщина. – Кто отпустил ее без поводка, чтоб она тут детей грызла? Да я вас засужу! А если ребенок теперь заикаться будет?

Парень в татухах пытался поднять собаку. Она била хвостом и ластилась к хозяину.

– Да успокойтесь вы! – крикнул он женщине. И обратился к мальчишке. – Что ты с ним сделал? Ты ударил его?

Саша встал со скамейки. Все это так быстро развернулось

перед его глазами, что он только сейчас опомнился. Он уверенно подошел к женщине.

– Ваш сын залез на дерево и упал оттуда прямо на собаку. И, возможно, он даже сломал ей спину!

– А ты еще кто такой? Что ты лезешь!

– Так что нечего винить собаку! Лучше скажите, почему вы не следили за ребенком? Где вы были все это время? Что молчишь, пацан? Разве не так все было? – Саша говорил спокойно и уверенно.

Мальчишка молчал и прятался за мамину юбку.

– Развели собак огромных и не следят за ними! – толстушка продолжала пыхтеть.

Саша перевел дыхание и посмотрел на ретривера.

– Значит, так: мы сейчас поедem все вместе к ветеринару, и вы оплатите лечение этой собаки!

– Что? Да откуда ты взялся? С какой стати я куда-то поеду? Здесь вообще-то нельзя выгуливать собак без поводка! – крик женщины перешел в повизгивание.

Она все пыталась заручиться поддержкой окружающих. Но ребенок был цел и невредим, он опять уже пытался убежать от мамы. А пес лежал и скорбно смотрел в глаза хозяину.

Симпатии публики были на стороне собаки.

Саша поехал вместе с парнем в татуировках. Его звали Вася.

Высокий, плечистый, весь разрисованный черными орнаментами, он аккуратно, как самая любящая мать, положил пса на заднее сиденье такси и сам сел рядом.

Бережно водил рукой по длинной лоснящейся шерсти. Саша устроился впереди, рядом с водителем.

– Спасибо тебе, что вступился, – сказал Вася. – Не могу ругаться с женщинами. Когда они начинают кричать, я себя чувствую пацаном, который что-то натворил. Я готов что угодно сделать, только чтоб они замолчали.

Саша кивал головой и смотрел на лабрадора. У него никогда не было собаки. Харлей лежал спокойно и послушно, только время от времени поднимал голову, чтобы вопросительно взглянуть в глаза хозяину.

– Все будет хорошо, дружище, – успокаивал его Вася и гладил по голове.

Пес грустно прикрывал глаза и время от времени тихонько скулил.

– Я купил его еще беспомощным щенком, – начал Вася. – Точнее, даже не я, а моя бывшая девушка. Он вырос у меня на глазах! Я его купал, кормил, дрессировал. Не знаю, как я теперь засну? – он с первых дней спал со мной.

Вася сжал зубы.

– Девушка нас потом бросила, да, Харлей? И остались мы вдвоем!

В ветлечебнице доктора не было на месте. Женщина на рецепции долго набирала ему на мобильный. Вася и Саша нервничали.

Наконец, пожилой добродушный мужчина открыл входную дверь и поздоровался.

– Та-а-к, что случилось? Кто обидел эту хорошую собачку?

Он накинул халат, Харлея перенесли в кабинет.

– Хороший пес, сильный, – приговаривал он, делая осмотр.

– Скажите, он будет жить? Пусть даже его парализует, я не согласен усыплять! – Вася хватался руками за голову.

Ветеринар сделал укол и одним резким движением вправил позвоночник. Собака дернулась и залаяла.

– Жить будет, – сказал он. – Внутренние органы не повреждены, задние лапы чувствительны. Через несколько дней отойдет – и снова бегать будет.

Вася обрадовался, как ребенок. Саша в первый раз увидел его улыбку: широкою и простодушную, верхняя губа высоко оголяла десну. На выходе из лечебницы он позвал Сашу выпить с ним по рюмке коньяка за знакомство и за здоровье Харлея. Планов у Саши на вечер все равно не было. И он согласился.

Вася работал в тату салоне недалеко от парка, где выгуливал собаку. Он был мастером-татуировщиком. Занимался этим уже восемь лет. Учился, как и Саша, на графического дизайнера, но на последнем курсе, когда сделал себе первую татуировку, вдруг увлекся символическими смыслами рисунков на теле. Купил машинку – и с тех пор совершенствовал свое мастерство, переходил из салона в салон, пока не открыл свой собственный.

Помещение салона было новое, просторное, с недавним ремонтом, на стенах висели эскизы в рамках и полки с

желтовато-белыми искусственными черепами и африканскими статуэтками. В углу комнаты была отделанная кирпичом и подсвеченная синим неоновым светом барная стойка. Вася осторожно положил на подстилку собаку, помыл руки и достал из-под стойки стаканы и бутылку пятизвездочного коньяка.

Когда коньяк был разлит по стаканам, они чокнулись.

– За верность.

Саша молча выпил. Вася тут же налил по второй.

– Знаешь, я считаю, что верность – это самое главное. Нет смысла ни в дружбе, ни в отношениях, если нет верности.

Даже собака тогда лучше людей. Если ты что-то обещал – будь уже верным до конца. Иначе вся жизнь ложь, и никто никому не нужен. Может быть, я идеалист, – он сделал

паузу, чтобы налить по третьей. Саша отказался. – Но я считаю, что даже по отношению к родине надо быть верным.

Мне несколько раз предлагали переехать в Европу и работать в салонах там. Но я отказывался. Не то чтобы я ура-патриот, но там все чужое, а здесь – свое, родное. А я родное не предаю. Не умею предавать, совесть меня съест тогда.

Саша вернулся в свою квартиру поздно вечером. От алкоголя кружилась голова. Он сидел у открытого окна на кухне, не включая свет, и смотрел на Киев. Город сиял миллионом огней, шумел моторами тысяч автомобилей, он был живой. Он не рвался вперед в несусветной суете, как

Москва, не существовал тихонько, как русские провинциальные города, он дышал в спокойном уверенном темпе, с чувством собственного достоинства, – энергично и скромно.

* * *

В следующую среду Саша опять отправился к Боре и Свете. Все тот же выкрашенный темно-зеленой краской подъезд, все те же пепельницы с окурками на подоконниках, но на этот раз у него чуть быстрее билось сердце, когда он поднимался по ступенькам и нажимал звонок квартиры.

Дверь открыл Боря:

– Привет, брат, заходи! – они обнялись и похлопали друг друга по спине.

Саша прислушался к девичьим голосам, доносившимся из кухни. Пока пришли только две Светиных подруги, они что-то готовили и разговаривали о своих женских делах.

Боря проводил Сашу на балкон, там он достал пачку сигарет и закурил.

– Ну что, привыкаешь к хохлам? – спросил он, выдыхая дым.

– Да, даже друга себе завел.

Саша рассказал о субботней истории с татуировщиком и собакой. Вчера он звонил интересовался, выздоравливает ли Харлей. Вася сказал, что пес значительно повеселел, звал в гости.

– Хорошие он татухи бьёт?

– Те рисунки и фотографии, которые я видел, мне очень понравились. Графика в основном. Я б даже сказал – талантливый чувак!

– А в Украине очень много талантливых людей. Да вообще большинство известных русских – выходцы из Украины!

– С первым не спорю, а второе – это уж ты загнул!

– Да послушай, из шоу-бизнеса так больше половины украинцев: Гоша Куценко, Меладзе, Цекало, певиц до фига!

А в советское время сколько космонавтов было родом из Украины! И в политике даже: Явлинский хотя бы!

– Ну это, знаешь как: глаз из толпы всегда выхватывает знакомое, родное. Россияне тоже во всех знаменитостях ищут русские корни. Кругом наши! – Саша усмехнулся. – Но похвально, конечно, что страной своей гордишься.

– Я не из тех, кто утверждает, что Будда и Иисус из Украины...

– А есть и такие?

– Да, есть.

Саша засмеялся.

– Я говорю тебе факты, то, что украинцы большой вклад сделали в Россию.

– Ну ладно, с этим не спорю.

«Смешные эти украинцы, – подумал он. – Живут с манией величия. Хотят быть особенными. Лучше русских».

Они немного помолчали.

- С киевлянками знакомишься? – Боря подмигнул брату.
- Не... только у вас в гостях. Кстати, Богдана сегодня будет?
- задал Саша вопрос, мучавший его с самого прихода сюда.
- А ты не знаешь? – у Саши екнуло в груди. – Она прыгала с парашютом и сломала себе ногу.
- Ничего себе! Сейчас в больнице?
- Нет, дома, в гипсе, - Боря загасил окурок.
- «Лучше бы была в больнице, можно было бы к ней сходить»,
- подумал Саша.
- Ему стало скучно и захотелось уйти.
- На балкон зашла Света и попросила сходить в магазин, купить колбасы и чипсов. Саша с Борей вышли из квартиры.
- Светка на гитаре сейчас учится играть, – похвастался он. – Выучила Оазис «Half the world away». Сегодня услышишь!
- Круто! Талантливая, – украинка ведь!
- Не, она из Севастополя, из семьи русского моряка, считает себя русской, – засмеялся Боря.
- Что ж ты промахнулся, брат?
- Да, любовь зла!
- Они уже купили продукты и возвращались в квартиру.
- Борь, вы не обидитесь, если я сейчас уеду?
- А что такое?
- Да так, надо.
- Ну ладно. Давай только постоим немного, я еще одну сигарету выкурю.
- Он вынул из кармана пачку, там оставалась последняя

сигарета. Боря с удовольствием затянулся и окинул двор взглядом хозяина. Он выглядел абсолютно довольным жизнью.

– А ты знаешь, где Богдана живет?

– На Фрунзе, дом напротив стадиона Спартак, квартиру не помню. В гости, что ли, к ней пойдешь?

– Нет, так просто. Ладно, спасибо.

– Давай, удачи! – Боря протянул руку.

– Пока! – они обменялись рукопожатием.

Ехать домой не хотелось. Саша открыл на мобильном карту города. Фрунзе оказалась далековато от центра. «Зачем мне туда? – думал он. – Гулять под ее окнами? Сидеть на лавочке и ждать, когда она спустится на костылях?» На остановке старичок заиграл на гармошке «Этот День Победы», красиво и с укоряющим напором. Праздники прошли уже почти две недели назад. «Этот день мы приближали, как могли», – тихо пропел за ним вслед Саша. Он никогда не мог равнодушно слушать эту песню, в ней были боль и гордость всей русской нации. Он вспомнил склоны в алых цветущих тюльпанах перед 9 мая в Волгограде и тихое торжество, которым наполнялся весь город. Наверное, эта песня и память о победе были основным и единственным, что объединяло народ России, такой разный и такой потерявшийся в своих ценностях. Саша вышел из маршрутки после того, как она съехала с Подольского спуска на Фрунзе. Он перешел дорогу и,

пройдя метров двести, свернул во дворы. Было еще светло. Вечера вдруг стали нескончаемо длинными и слишком приятными, для того чтобы сидеть дома. Возле подъездов цвели и сладко пахли сирень и еще какое-то дерево с душистым ароматом, названия которого Саша не знал. Теплый и влажный воздух напомнил ему Лондон. Два года назад он проходил там ускоренный курс обучения графическому дизайну, повышал квалификацию. Комнату в общежитии с ним делил грек, маленький, худой, с большим носом и всегда опущенными вниз глазами. Однажды вечером он пришел в разорванной одежде и с запекшейся на лице кровью. Гуляя, грек забрел слишком далеко от центра, и на одной из грязных улиц индусского квартала его избили и ограбили. Весь следующий день он был очень грустным. Вечером Саша вытащил его в кафе неподалеку и заказал на двоих гамбургеров и пива. Был лондонский летний вечер, от Темзы тянуло влагой и туманом, но воздух все равно еще был душным. По спине катились капельки пота.

– Манос, пора уже забыть о вчерашнем. Такое может случиться с каждым. Если нужна какая-то помощь, ты скажи.

Они совсем не были близки. Недельное сожительство не сделало их друзьями или даже товарищами. Оба были интровертами, общались в основном по необходимости. Каждый сидел за своим ноутбуком, рисовал эскизы и заговаривал, лишь чтобы заказать пиццу, посоветоваться

насчет дизайна или обсудить текущие квартирные вопросы.
– У меня проблема, и я не знаю, как мне ее решить, - сказал грек понуро.

Оказалось, что он носил с собой все деньги, которые у него были на учебу, еду и обратный билет. И грабители, забрав наличность, оставили его без средств к существованию.

Родственники из Греции, к сожалению, были бедны и не могли ему ничего выслать.

– Почему ты не оставлял деньги в комнате?

Манос молчал.

– Ты не доверял мне, - понял Саша. – Сколько тебе нужно?

О какой сумме идет речь?

Он пошел в ближайший банкомат и снял свои накопления.

Грек был не в той ситуации, чтобы отказываться из вежливости.

– Ко мне давно никто не относился с таким бескорытием, - сказал он. – Мир полон добрых людей, но замечаешь это, лишь когда оказываешься в беде. Мы забываем о Боге, а он напоминает нам, что существует.

Манос скромно улыбался, его глаза впервые за время знакомства смотрели прямо на Сашу.

– Бог тут не при чем. Это люди. Люди обокрали, люди помогли. Дело случая.

Грек помотал головой.

– Тебе кажется, что это все случай. То, чего люди не могут осознать или увидеть, они относят к стечению

обстоятельств, потому что невозможно понять или увидеть бога. Как невозможно видеть любовь своей матери. Но ты точно знаешь, что она есть.

Грек оказался философом. Саша не спорил с ним, он молча слушал и пил свое пиво. Лондонских вечеров оставалось мало, а свободных от занятий – еще меньше. Он понимал, что по приезде в Волгоград они будут казаться ему уже нереальными и далекими. И он дышал полной грудью, старался запомнить свои ощущения, рассмотреть все мелочи вокруг. И под ломаный английский грека он чувствовал, как в него входят спокойствие и умиротворение и какая-то ни на чем не основанная уверенность в будущем.

Саша вернулся домой после прогулки по Фрунзе и сразу же лег спать. Сон был крепким и освежающим. Утром он встал бодрым, открыл нараспашку окно в кухне и, стоя возле него, пил чай. Голым торсом он ощущал легкую прохладу, исходившую от еще не прогретой солнцем улицы.

* * *

Богдана придумала, чем занять свободное время, которое вдруг так внезапно у нее появилось. Она решила научиться рисовать. Подруга с работы купила ей мольберт, кисти, холсты и краски. И вот уже несколько дней утро Богданы начиналось с ярких широких мазков. Картины она рисовала

абстрактные. На них были марсианские пустыни, кошачьи сны, брызги, переливы цветов и воздушные мечты. Потом она смывала с лица и рук краску, обедала и выходила на костылях на лавочку во дворе под липой. Там в теньке она читала, иногда прерываясь на то, чтобы поболтать с мамашами, гуляющими с детьми, или с соседками-старушками, которые вечно на все жаловались. Вечерами к ней забегали подруги, и привозил еду отец. Еще спасал Интернет перед сном и небольшие задания с работы. В среду вечером Богдану приехала проведать ее начальница. Богдана только успела провести ее на кухню, как увидела через окно того самого русского парня. Он проходил мимо ее любимой скамейки под липой. Шел, не глядя по сторонам, держа руки в карманах. Теперь он ей показался не худощавым, а очень стройным. Богдана оперлась на подоконник и вытянула шею, чтобы получше рассмотреть его из-за мешавших веток каштана. Он был одет в узкие брюки и темную футболку. Светлая макушка отливала золотом в лучах заходящего солнца.

– Какого-то знакомого увидела?

– Да так, брат моего друга.

Она бросила последний взгляд ему вслед. Он шел уверенной походкой, спина у него была ровной и расслабленной. Интересно, каким ветром его занесло сюда? – думала Богдана. – Что он может делать в моем районе? Она знала, что понравилась ему при первой встрече. Девушки это

чувствуют, как хищники чувствуют добычу. И теперь, болтая с начальницей, Богдана думала только о том, было ли его появление здесь стечением обстоятельств или все-таки он пришел сюда не случайно?

Богдана снова вернулась к этим мыслям перед сном.

Почему-то этот парень не шел у нее из головы, и почему-то думать о нем было приятно. Она пыталась воссоздать в памяти его лицо, но все расплывалось и представляло разрозненным. Она хорошо помнила его глаза, взгляд, как будто снова видела его улыбку, губы, зубы. Однако в один образ это все не сливалось. Немного помучавшись этим занятием, Богдана поняла, что ей просто надо снова его увидеть.

На следующий день, смешав на белом холсте зеленую и голубую краски – будущее горное озеро, – она остановилась и взяла телефон.

– Эй, привет, – весело прокричала она в трубку.

– Привет, – ответил ей Саша негромко.

– Ты представляешь, я ногу сломала!

– Я знаю, – он усмехнулся.

– Ах да, это Богдана, – спохватилась она и рассмеялась. –

Мы познакомились на прошлой неделе у Светы и Бори.

– Я узнал по голосу. Таких крикливых еще не встречал.

– Теперь я как Баба Яга с костяной ногой, – продолжала она.

– Передвигаюсь не дальше пятнадцати метров.

– Могу покатать тебя вокруг дома на тележке из

супермаркета.

– Все, замечано! Жду свой лимузин вечером!

Сегодня ей удалось нарисовать розового фламинго, который стоял на одной ноге в воде. Правда, он был не совсем похож на птицу, скорее, на пушистую розовую «двойку» в тетради, где контрольную залило красками. Но Богдана была довольна. Она поставила картину подсыхать на окно, – и каждый раз, проходя мимо, смотрела на нее, прищуриваясь, будто она сейчас не она, а известный ценитель искусства.

Саша позвонил в половину восьмого. Богдана как раз расчесывала перед зеркалом свои длинные черные волосы. Ей было трудно мыть их, наклонившись над ванной на одной ноге. «Ох, так накачаю за полтора месяца ногу, что она станет вдвое шире второй, забинтованной калеки», – смеялась она. Еще кожа под гипсом невероятно чесалась, Богдана приспособилась просовывать длинную тонкую кисточку в узкий промежуток между ногой и шиной и там шевелить ею. Зуд не прекращался, но было приятно. Сейчас этой кисточкой она заколола волосы в объемный пучок на макушке, как настоящая художница.

Саша пришел в гости с авоськой апельсинов и сладостей.

– Не стоило! Ты что! У меня тут все есть! – прокричала Богдана вместо приветствия.

– Девушка-сирена! И не в смысле: завлекающая сладким голосом моряков.

– Ха-ха, я скорее выпровожу, чем завлеку!

– Ну я ж говорю.

Богдана кинула с собой в сумку сладости, и они спустились на лифте на первый этаж.

– Тебе помочь?

– Нет, у меня есть костыли, два моих верных друга и спасителя на ближайшее время. Если все у нас затянется, то я могу в них еще и влюбиться! В оба одновременно!

Это были первые теплые вечера. Весна в этом году заставила себя ждать. В конце марта вдруг разразилась метель, и за ночь город покрыло снегом на метр.

Аномальные февральские морозы держались до середины апреля. В майские праздники все еще можно было видеть где-то в тени деревьев или под стенами домов нерастаявшие бугорки снега. А теперь, наконец, было тепло.

Солнце потихоньку садилось, скользя золотыми отблесками по высоткам и макушкам деревьев, а дневная духота никак не растворялась в вечерней прохладе. Они медленно шли вдоль домов. Богдана была в легком шифоновом платье с этническим рисунком и трикотажной кофточке. Она казалась настолько тоненькой и легкой, что не будь у нее загипсована нога, ее подхватил бы и унес малейший ветерок. Саша незаметно любовался ее длинными руками и ногами. Маленькая собачка внезапно залаяла на них – и тут же отскочила к ногам своей хозяйки. Девушка цыкнула на нее и улыбнулась Богдане и Саше.

– Эй, малыш, камон! Иди сюда! – Богдана протянула руки к

шпицу. – Такой смешной, как китайская мягкая игрушка!
– Я недавно познакомился с лабрадором ретривером. На него с дерева прыгнул ребенок, пришлось везти его в лечебницу. Лабрадора, конечно, – и Саша снова рассказал историю о татуировщике и его собаке, которая приключилась с ним на выходных.

– Я хочу татуировку! И ретривера хочу посмотреть, – завизжала Богдана.

– Я отвезу тебя к нему, когда гипс снимут.

– Потом мне опять некогда будет! Надо сейчас!

– Терпение, значит, – не твой конек... понятно!

– Я просто стараюсь ничего не откладывать. Зачем? Все равно все будет не так, как мы планируем. Может быть, через полгода или год все вокруг изменится до неузнаваемости. И мы будем уже не в Киеве, а в других городах. Если я, конечно, не разобьюсь, прыгая на веревке с какого-нибудь моста. Я люблю получать эмоции. А эмоции – это здесь и сейчас.

Саша только улыбнулся.

– Твоя любимая погода? – спросил он.

– Солнце с дождем.

– Любимый напиток?

– Кофе. Мы играем в блиц-опрос?

– А почему бы не узнать друг друга лучше?

– Тогда твой любимый фильм?

– Может быть, – он призадумался, – «Список Шиндлера». А

твой?

– «Донни Дарко».

– Странно. Хочу тебе сказать, что мы с тобой полные противоположности!

– Ха! И тебе для этого понадобился блиц? Я знала это с первой нашей встречи. Ты что, не пьешь кофе?

– Очень редко. Обычно чай.

Когда уже совсем стемнело, они вернулись к дому на Фрунзе. Снова у подъезда пахла сирень. Пришло время прощаться.

– Ты так и не покатал меня, обманщик!

– Прыгай ко мне на спину! – повернулся он.

– А костыли?

– Бросай! Потом заберу!

И он побежал с нею вверх по ступенькам.

– Забыл, какой этаж?

– Шестнадцатый!

– Здесь всего шесть.

– Тогда третий.

Его сердце билось часто и гулко, пульсируя в ушах и отдавая приятной истомой в животе.

* * *

Субботнее утро наполняло улицы людьми очень медленно.

Город отдыхал с южной безмятежностью, подставив

майскому солнцу свои площади и проспекты. В эти часы Киев казался провинциальным. Трамвай медленно выплывал из-за раскинувшихся ярко-зеленых лип – и с триумфальным звоном подъезжал к остановке. Дорога вокруг рельсов разбилась от бесчисленного количества каблучков, туфель, сапог, ботинок, и теперь то, что было когда-то асфальтом, превратилось в серо-желтый песок, что еще больше напоминало о юге и море. Солнечные зайчики пробежали по припущим ненакрашенным лицам киевлянок. Кондуктор громко объявлял остановки. Саша ехал по Подолу – одному из самых старых районов города.

Богдана выпорхнула из подъезда весело и легко, несмотря на сломанную ногу. Гипс у нее был разрисован широкими мазками масляных красок. Яркие желтые, красные, синие загогулины, как на плакатах авангардистов, тут же развеяли сонное состояние.

– Несу искусство в массы, – улыбнулась Богдана.

Они сели в маршрутку и через двадцать минут были у салона Blackhouse.

В полуподвальном помещении не было окон, и работал кондиционер. Летнее утро не проникало сюда. Здесь всегда царили полумрак и прохлада.

Сегодня в салоне Вася был не один. За стойкой стоял высокий, брутальный парень в черной майке. Он делал коктейли.

– Привет, старый! – крикнул Вася.

Саша понял, что приветствие предназначалось ему.

– Привет! – откликнулся он, пропуская Богдану вперед. – Посмотри, какую клиентку я тебе привел!

– Да, отлично! Выпейте пока что-нибудь, я сейчас подойду.

– Костя, - представился парень за стойкой.

– Саша и...

– Богдана, – опередила она его и протянула для приветствия руку.

Костя ее пожал.

– Ред булл, абсент? Девушке могу предложить кофе.

– О какая у вас крутая кофе-машина! – воскликнула Богдана. – А лате сделать можешь?

– Профессиональная итальянская кофеварка, – улыбнулся Костя. – Конечно, могу. Лучший кофе для нее покупаем.

Подошел Вася.

– А ты попробуй моего абсента! – он поздоровался за руку с Сашей. – Я сам его готовлю!

Он налил по пятьдесят граммов, Саша осторожно выпил.

– Харлей, иди посмотри, кто пришел! – Вася присвистнул.

На голос из глубины помещения тяжелой поступью вышел большой бежевый пес с лоснящейся шерстью. Он обвел всех умными глазами и остановился на Саше. Может быть, вспомнил?

– Да-да, иди поздоровайся! – кивнул ему Вася.

Харлей сел перед Сашей и протянул ему лапу.

– Все понимает?

– Ну конечно!

– Он уже выздоровел? Какой красивый! Надеюсь, мы подождем, видишь, я такая же раненая, как и ты, – Богдана показала ретриверу свою загипсованную ногу. Она протянула к собаке руки. Пес смотрел на нее недоверчиво.

– Ну пожалуйста! Я тебя не обижу!

– Вот так все и начинается, – усмехнулся Вася.

Тем временем лабрадор подошел к Богдане и начал обнюхивать ее ладони. Богдана казалась слишком хрупкой и беззащитной рядом с большой собакой. Тяжелые мягкие лапы легли ей на колени. Она зарылась в шерсть тоненькими пальчиками. Девушка и собака смотрели друг другу в глаза. Харлей все еще пытался сопротивляться, выглядеть серьезным. Но уже было бесполезно.

– Три дня грустный лежал, не вставал. Я даже переживать начал, – сказал Вася. – Хотел вызывать другого ветеринара. Боялся, что все уже, давай до свидания. Но, утром как-то просыпаюсь, а он стоит у стойки и пиццу мою вчерашнюю доедает! Отошел.

– Да это я ему джина налил. Ты ж лечить ни хрена не умеешь! – вставил Костя.

– Все, паршивец, с этого дня к собаке моей больше не подойдешь!

– Посмотрим-посмотрим, кто к кому прибежит! – Костя оголил крупные зубы.

– Я вообще-то не бармен здесь, – сказал он Богдане. – Рисуно эскизы для этого грубияна. А так занимаюсь одеждой: принты для футболок, дизайнерские вещи, сумки.

– Как интересно! А где-то можно посмотреть?

– Да, есть у нас сайт, – Костя достал из кармана телефон и открыл фотографии.

Ладони Богданы были теплыми и приятно пахли, Харлей облизывал их каждый раз, как они возвращались от его уха назад к носу. И Костю, и Васю, и собаку, казалось, объединяло одно: с виду большие и суровые, они были мягкими внутри и быстро отзывались на улыбку.

В салон зашли люди и, привыкая к полутьме после яркого солнца, долго всматривались вглубь студии.

– Вам помочь? – спросил Костя низким голосом.

– Да, хотели бы посмотреть эскизы татуировок.

Костя нехотя отошел к ним.

– Ты уже придумала, что хочешь набить? – спросил Саша.

– Стаю летящих птиц на лопатке.

– Вась, у тебя получится такое?

– Старик, у меня есть правая рука и левая и серое вещество между ними. С этим я могу сделать все, что угодно. Я могу бить гвоздем и шариковой ручкой. Если ты, конечно, решишься на такие эксперименты, – усмехнулся Вася, показав свои большие черные от рисунков ручищи.

Когда инструменты были разложены, Богдана села в кресло. Она улыбнулась и оголила свое худенькое плечико. У нее

была светлая кожа с оливковым оттенком, острые лопатки нагло выпирали. Саша почувствовал себя неудобно. Его охватило странное волнение, какая-то легкая грусть, что-то сжалось в груди. И он понял, что это была нежность.

Трепетная нежность к хрупкой девушке.

Костя вернулся и сел рядом в глубокое кресло.

– Еле отделался от этих людей, – сказал он. – Сначала об эскизах спрашивали, а потом такие говорят: «У тебя спортивная внешность, в какой спортзал ходишь, давай заниматься с нами, бла-бла-бла».

– Ну это или с гей-парада вчерашнего, или в «титущки» тебя завербовать хотели, – захохотал Вася.

– В кого? – переспросил Саша.

– На днях прославился один спортсмен Вадик Титушко, не слышал?

Саша мотнул головой.

– Спортом не очень интересуюсь.

– А это не спорт, это политика. Во время марша оппозиции он бросался на журналистов – и одну женщину побил.

– Янукович проплатил спортсменов, говорят, чтоб они его интересы в потасовках отстаивали, – вставил Костя.

– Да ладно, президент ваш? – удивился Саша.

– Ты как будто с луны свалился! Может, ты еще не слышал историю про то, как он шапки воровал?

И Костя с Васей захлеб, перебивая друг друга, принялись рассказывать историю донецкого парня, отсидевшего по

малолетке, путавшего Ахматову с Ахметовым, называющего Чехова поэтом, матерящегося в кадре и разворовавшего страну. Они смаковали подробности, как анекдот, который сотни раз передается из уст в уста, но от этого не становится менее смешным.

– Однажды Янукович хотел процитировать классика. Но не вспомнил ни фразы, ни фамилии. «Есть такое высказывание: «Всегда побеждает красота». Кто это сказал?» – спросил он и обвел взглядом присутствующих. Долгую паузу робко прервал один человек: «Может быть, красота спасет мир? Достоевский?» «Да, красота спасет мир» – поправил себя Янукович.

– Однажды Янукович заполнял анкету кандидата на пост президента Украины. И сделал 12 ошибок в 90 словах. Он написал, что он «проффесор» с двумя буквами «ф».

– Когда Янукович шел на собственную инаугурацию, от ветра двери Верховной рады начали закрываться перед ним, чуть не ударив нового президента. И в это же время на Днепре рухнул памятник основателям Киева Хориву, Щеку и Лыбеди. Отвалилась его восточная часть.

Досада и обида, которые у русских обычно трансформируются в злость, украинцы выражали смехом. Причем не язвительным, не саркастическим, а живым хохотом, как будто они жили по принципу: «если ты не можешь изменить ситуацию, то хотя бы получи от нее удовольствие».

Саша удивленно смотрел на них. «Русские относятся к украинцам, как к глупым младшим братьям, бедным, отставшим в экономике и технологиях, – думал он. – Но есть в менталитете украинцев нечто совсем иное, широкое, открытое миру и переменам». Что именно, сформулировать словами он еще не мог. Он только видел в них особенную жажду жизни и внутреннюю свободу.

Богдана переносила боль стойко. Казалось, она вообще ее не чувствовала. Только в самом конце, когда машинка уже второй час била по лопатке, Богдана чуть побледнела и сжала губы. Кожа на плече покраснела и набухла, сукровица текла, не переставая.

Пока Вася трудился над Богданой, вырисовывая тонкие изгибы рвущихся вверх птиц, Саша думал над собственной татуировкой. Она должна нести в себе символический смысл. Память об этом периоде жизни. Что-то, связанное с Украиной, веселыми украинцами, их особенностями. Когда Вася закончил свою работу с Сашей, было уже десять вечера. Теперь Сашину руку обвивала графическая спираль, напоминающая молекулу ДНК: две линии, испещренные разными орнаментами, переплетались и расходились, чтобы снова встретиться и соприкоснуться в новой точке. Один из орнаментов представлял собой узор вышиванки, другой напоминал русскую вязь. Обе татуировки были обработаны пантенолом и обмотаны тонкой пленкой.

– Ну что, носите долго и счастливо, – сказал Вася. Он расправил плечи, подошел к стойке и налил себе абсента. Богдана в обнимку с Харлеем дремала в кресле. Долгий украинский день подошел к концу.

* * *

В городе резко началось лето. Тридцатиградусная жара не давала ни спать, ни работать похлеще самой безумной влюбленности. В квартире у Богданы не было кондиционера. Окна ее комнаты выходили на восточную сторону, и по утрам она просыпалась рано, – обессиленная и вся покрытая потом. Тело было ватным, будто она заснула на солнцепеке, и ее вот-вот хватит солнечный удар. Поднять такое тело с кровати, да еще и со сломанной ногой, стоило больших усилий. Но Богдана была не из слабаков! Она громко включала музыку и маршировала под нее в ванную, где умывалась и обтирала тело холодной водой. Потом Богдана брала кружку с горячим быстрорастворимым кофе и выходила на балкон. Там ее встречали звонким щебетом невидимые в листве птицы.

– Светка, я б еще раз с парашютом прыгнула, не раздумывая! Какое-то у меня опять «летательное» настроение.

– Ты мне скажи лучше: Саша начал ухаживать за тобой? – отвечала по телефону практичная Света.

– Начал-начал, – Богдана засмеялась. – Пока аккуратненько

так, вокруг дома кругами гуляем.

– А то он Боре моему уже все уши прожужжал, как ты ему нравишься!

– Да ладно тебе! Правда? – Богдане стало очень весело.

– Ага, спрашивал твой адрес. Я думала, что букет цветов придет.

– Не. Мы сегодня гулять с ним идем.

– А тебе он как?

Богдана задумалась. Теперь она ясно представила его чуть смущенное лицо. Почувствовала, как он смотрит вглубь нее своими голубыми глазами. Этот взгляд был, как спокойное ясное небо. Иногда так идешь по городу, все вокруг мельтешит, суетится, а ты поднимешь голову вверх и вдруг замрешь под этой простотой и бесконечностью.

– Очень даже, – ответила она.

Они снова гуляли. В шортах и майках им все равно было жарко. Они пили холодную воду и обливали ею друг друга. Ели клубничное и лимонное мороженое, от которого сводило холодом зубы. Плечи и лица их потихоньку покрывались загаром, а волосы выгорали. Белые зубы блестели на солнце, как у голливудских актеров. Они делали совместные селфи и тут же выкладывали в Инстаграм. Они были одной из юных счастливых пар, которые летом заполняют киевские скверы и улицы.

В своих прогулках они набрали на ухоженный парк. От ровных зеленых лужаек пахло свежескошенной травой.

– Я раньше здесь не был. Что это?

– Это новый мемориал жертвам Голодомора.

Саша с Богданой прошли по аллее к скульптуре маленькой девочки, прижимающей к груди колосья пшеницы.

– За три колоска с колхозных земель людей приговаривали к смертной казни или сажали на десять лет. Несколько миллионов человек умерло от голода в Украине в тридцать втором и тридцать третьем годах. Знаешь об этом?

– Что-то немного вспоминается из школы.

– Сталин вывозил из Украины все продовольствие, делал запасы в Москве, продавал на экспорт. Говорят, там горы пшеницы гнили в закромах, – продолжала Богдана. – А здесь женщины варили одного из своих детей, для того чтобы прокормить остальных. Я видела фотографии того периода, где люди прямо на улицах лежали и умирали. Очень страшные картины. Не хотела бы я жить тогда. Верховная Рада признала Голодомор геноцидом украинского народа.

– Подожди! То есть Сталин сознательно морил голодом украинцев, так что липо-вашему получается?

– Не знаю, это одно из мнений.

– Насколько я помню, тогда голод был по всему СССР. И в Казахстане, и на Кавказе. Был засушливый год.

– Конечно, Россия не признает Голодомора. Об этом вообще нельзя было говорить до восьмидесятых годов. И, наверное, не только украинцы пострадали...

– Но они больше всех обиделись.

– А ты считаешь, несколько миллионов умерших от голода не дают на это право? Сталин не сильно церемонился с народами. Переселял целыми регионами: Крым, Кавказ. Может, казахов и украинцев было слишком много, чтоб их вывозить на другие территории? Понимаешь, здесь люди очень свободолюбивые, умеющие воевать, поэтому и беспокоили Сталина. Вся история Украины – это борьба за независимость. Ее земли постоянно покоряли то с Запада, то с Востока. Украинцы все время с кем-то борются: то с панами, то с поляками, австро-венграми, коммунистами. Не хотят ни от кого зависеть: ни от одних, ни от других. Саша внимательно слушал. Такая родная, братская страна, но с совсем другой историей. Да что мы вообще знаем о них, кроме сала, хохлов и Верки Сердючки? А вот оказывается, у них глубокая историческая обида на Россию. А мы-то считаем себя их благодетелями.

– И да, всегда кем-то обиженные, – Богдана усмехнулась. – Если вспомнить украинскую литературу, которую изучали в школе, – вот тоска! В ней всегда плачут и жалуются на жизнь: мол, все притесняют, со всех сторон давят, жмут. «Кризь плач и стогин, и рыдання» – вся жизнь. И как следствие: «Душу и тело мы положим за нашу свободу». Свобода – главное, за нее украинцы готовы умирать. Обойдя парк по кругу, Саша и Богдана опять оказались на широком проспекте. Дух прошлого рассеялся. Тридцать второй год остался позади. Снова мимо пролетали

автомобили, вывески дорогих бутиков отпугивали своей недоступностью, и современные люди, сытые и красивые, спешили по своим делам. Однако тягостное впечатление где-то глубоко осталось. Будто нищая уличная кликуша предвещает скорый апокалипсис, но на нее никто не обращает внимания.

Они сели за столик на открытой веранде, от прохожих их отделял плетеный забор с яркими цветами в кадках. Заказали фреши.

– Ты уже гулял вечером по набережной? – спросила Богдана.

– А завтра открывают фестиваль уличной еды. Пойдем?

– По-моему, мне очень повезло, что ты сломала ногу, - ответил Саша. – Если б ты была без костылей, я никогда бы не угнался за тобой!

Часть 2

Спустя полгода Саша сделал Богдане предложение.

В конце ноября он купил кольцо с бриллиантом.

Аккуратный камень легко парил в воздухе, удерживаемый двумя тонкими лапками. Маленькая прозрачная капелька, в которой отражался весь мир. Саша волновался. Футляр с кольцом предательски оттопыривал карман брюк. Не хотелось бы, чтобы Богдана раньше времени спросила, что это у него там.

Саша ждал Богдану возле ресторана на Европейской площади. Шел легкий снежок. Он переминался с ноги на

ногу и напряженно смотрел в сторону выхода из метро. С Майдана доносились лозунги митингующих в поддержку вступления Украины в Евросоюз. Мимо ресторана время от времени проходили шумно переговаривающиеся студенты, закутанные в шарфы.

– Веры старым политикам уже нет. Они нас кинули девять лет назад! Обещали золотую жизнь и ничего толком не сделали. Пора уже послать их!

– Не готова наша экономика к вступлению. Ты понимаешь, какой кризис будет?

– Ну ничего, потерпим пару лет. Зато будем в правовом государстве, а не с бандитами жить.

Наконец показалась Богдана. Она летела над запорошенной снегом брусчаткой. Перед ней стелилась поземка, как пена у ступней Афродиты. Ярко-салатовая шапка торчала над головой. Не оглянуться на нее было невозможно. Саша поправил челку: от мокрого снега она свисла на лоб, и это его немного нервировало.

– Привет! – они поцеловались.

В ресторане они сели у огромного окна. Внизу была батарея, Богдана придвинула к ней свои замерзшие ноги и откинулась на спинку стула. Они сделали заказ.

– Этот год был для меня очень странным, даже неожиданным, – начал Саша. – Столько всяких событий случилось: я переехал в другую страну, познакомился с украинцами, их менталитетом. Узнал много нового. Я

встретил тебя! И с твоим появлением моя жизнь стала понятней мне самому... я увидел цели, понял свои желания... И хотя событий было так много, самое интересное, самое важное у нас впереди. – Саша опустил руку в карман. – Я очень надеюсь, что у нас в жизни произойдут перемены...

Под столом он открыл футляр с кольцом

– Ты про вступление Украины в Евросоюз? – спросила Богдана. – Думаешь, это важное событие?

От неожиданности Саша замер и промолчал.

– Да, о нем сейчас везде говорят. Я не люблю политику, никогда ей не интересовалась, но даже я уже в курсе этих новостей. И, честно говоря, у меня столько сомнений по этому поводу. Не знаю, кому верить. Я сегодня общалась с одним политологом на канале, так он категорически против евроинтеграции. В украинском бюджете дефицит почти в 60 миллиардов. И деньги брать откуда-то нужно, хотя бы, чтобы платить бюджетникам и пенсионерам. МВФ обещал кредит в четыре миллиарда долларов, а Россия - пятнадцать, причем под маленький процент. Евросоюз еще и выдвинул свои условия, там много чего: ЖКХ подорожает, соцпособия урежут...

Саша спрятал коробочку назад в карман.

– Богдана, кушай, а то все остынет!

На столе дымилась лазанья. Кофе так и стоял нетронутым.

– Рынка сбыта товаров у нас не останется: Россия закроет

свое торговое пространство, а в Европе наши продукты не выдержат никакой конкуренции, - Богдана вздохнула. – Да и геи еще.

– Да, геи – это, конечно, беда!

– Это очень смешно, но население именно геев боится, даже больше, чем экономического коллапса. Ты ж знаешь, конечно, этот прикол, что Европа – это Гейропа.

– Я думал, ты занимаешься новостями моды.

– Да, моды. Но у нас на канале все только об этом и говорят, так что не слушать это невозможно. А ты что думаешь?

– Я бы очень хотел, чтобы наши страны дружили. Вот, наверно, все, что я могу сказать по этому поводу.

Наконец, Богдана заметила еду. Она отпила маленький глоточек кофе, от удовольствия поморщилась, и лицо ее стало менее напряженным. За окном было уже темно.

Осторожно подошел официант и включил маленький светильник на столе. Он загорелся теплым желтым светом и отгородил их столик полумраком от других разбросанных по залу огоньков.

Саша вспоминал, что произошло с ними за эти полгода. В конце лета, когда Богдане сняли гипс, они поехали вместе в Венецию. Там они бродили по музеям и кривым улочкам, кормили голубей на Сан-Марко, ели пиццу на завтрак и ужин, а однажды вечером на безлюдном причале на «раз-два-три» признались друг другу в любви. А потом он присылал ей на работу факс с признаниями; они раскрывали

жвачки Love is и выполняли задания, написанные на вкладышах. Он заказывал ей подписку на модные журналы, а она, как всегда, громко смеялась и фотографировала все приятные моменты для Инстаграма. С самого начала он видел в ней то, что не видел ни в одной другой девушке. В ней оставались – первобытная вера в лучшее и желание исправить несправедливость вокруг. Саша был непоколебимо уверен в своем решении: в его жизни могла быть только Богдана.

– Ты отогрела пальцы? – спросил он.

– Да! На самом деле я не очень замерзла сегодня! – она кивнула на розовые пушистые варежки на стуле.

Саша снова потянулся к карману брюк, но в это время на столе зазвонил его телефон. Это была мама. На секунду он заколебался.

– Ты чего не берешь? – удивилась Богдана.

Он кивнул ей головой и нажал «ответить».

– Ну как все прошло? – с ходу спросила мама.

– Мам, да дела по-старому, даже рассказать пока нечего, –

Саша засмеялся от неловкости ситуации. – Как у тебя? – перевел он тему.

– Да что у меня! Я думала, ты меня сейчас порадуешь, в отличие от своего брата.

Саша знал, что его старший брат Леша разводится после четырех лет брака. Они с женой так и не смогли наладить отношения.

- Мам, я перезвоню позже! Тебе от Богданы привет!
- И ей от меня передавай! – ответила мама.
- А моя мама звонит, только чтобы спросить, когда Тимошенко из тюрьмы выпустят, – рассмеялась Богдана.
- Она политикой интересуется?
- Ой, да так же, как и все. Она в Оранжевую революцию на митинги ходила за Ющенко, потом разочаровалась во всех политиках. А теперь из Италии, как за сериалом, следит за происходящим.

По-видимому, конца разговорам о политике сегодня не предвиделось. Это у украинцев была одна из любимейших тем. Познакомившись, они тут же выясняли друг у друга: ты за Януковича или за Тимошенко? В отличие от России, политическая жизнь тут была более насыщенной и колоритной, борьба шла не на жизнь, а на смерть. Старики ругались и не разговаривали друг с другом из-за симпатий к разным политическим лагерям. Молодые смеялись и над теми, и над другими.

Богдане успели еще позвонить с работы, долго расспрашивали о чем-то, потом давали наставления на завтра. Горячее сменилось десертом. А когда шоколадный пирог тоже был доеден до крошки, они рассчитались с официантом и вышли на морозную улицу. Снег перестал идти, но зато подморозило. Богдана прижалась к Саше, он обнял ее за плечи, и они не спеша побрели к метро.

- Скоро Новый год. Можно будет поехать во Львов, –

говорила Богдана. – Это средневековый, очень красивый город – тебе понравится. Ты в нем попадаешь, как будто на сто лет назад. Узкие улочки, старинные замки, крепости... Вокруг тебя живая история. Поезд из Киева туда приезжает рано утром, когда еще нет машин на дорогах, ходит только старый трамвай. Едешь, смотришь в окно: желтые фонари освещают фасады древних зданий, дореволюционные вывески, кривые истертые камни мостовой. Ты в самом начале двадцатого века!

– Уговорила, поедем!

– Я раньше вообще не планировала свою жизнь. Захотела – тут же сорвалась и поехала. Мне казалось это глупым: несколько месяцев обдумывать, лелеять надежды, а потом вдруг раз – и не получилось! Бог смеется, когда слушает наши планы. Так что, вот первый раз с тобой планирую! Они уже подошли к дому Богданы и стояли у входа в подъезд. «Сейчас или никогда», - подумал Саша.

– А все мои планы связаны только с одним человеком.

Он, наконец, достал маленькую коробочку. Открыл ее и протянул Богдане. Руки его не дрожали, он был спокоен и уверен.

– Я хочу сделать тебя счастливой! Точнее, я хочу, чтоб мы были счастливы вместе! Наверное, это очень быстро, но я убежден, что ты самая прекрасная девушка на свете!

Саша замолчал. Богдана смотрела на него, прикрыв рот розовой варежкой. Ее расширенные зрачки блестели,

отражая падающий из окон многоэтажки свет.

– Как-то я совсем не ожидала, – проговорила она.

Из ее глаз вдруг потекли слезы, оставляя влажные дорожки на щеках.

– Ну что ты! Тут же мороз! Прекращай.

– Я не знаю, что будет завтра, но я уверена в одном, - тихо сказала она. – Я уверена, что хочу быть с тобой!

Саша притянул ее к себе. Они стояли, обнявшись у подъезда, и тихонько дышали в шею друг другу. От этого было тепло. Пахло кожей, влажными волосами и немного духами. Богдана потерлась носом о его ухо и легко поцеловала в мочку. Он в ответ нежно поцеловал ее в висок.

– По-моему, сегодня был самый неудачный вечер для предложения. Ты только и делала, что говорила о политике. Я три раза пытался достать кольцо, – и уже почти смирился с тем, что сегодня у меня это не получится.

– Я все время думаю не о том.

– А еще мама, которая решила позвонить и спросить, согласилась ли ты.

– Серьезно? Ах, вот оно что было!

Слезы у Богданы уже высохли, она смеялась так громко, что в кустах шарахнулась пробежавшая мимо кошка.

* * *

В субботу у Богданы был рабочий день. Она встала рано утром, быстренько почистила зубы, завязала волосы в

гульку, оделась и, не завтракая, выскочила из дому. На канале она первым делом заскочила в монтажку узнать, готов ли ее сюжет, – и попала на тревожную беседу.

– Ты уже слышала об этом ужасе?

– Сегодня в четыре часа ночи на Майдане была бойня.

«Беркут» разгонял студентов. Их избивали ногами, палками, хватали и увозили. Уже столько видео в сети. Там все в кровище.

– Говорят, их там, на Майдане, оставалось человек триста, они все равно уже расходились. Зачем это надо было делать?

– Люди бежали спасаться в переходы, соседние улицы, их там ловили и тянули по асфальту. Тем, кто просто мимо проходил, – и тем досталось. Это просто зверство.

Средневековье. Беззащитным людям палками пытались закрыть рты!

Богдана ошарашенно открыла Фейсбук. Лента уже была переполнена роликами и перепостами описаний очевидцев.

Богдана смотрела, как мужчины в черном обмундировании со щитами и дубинками жестоко избивали митингующих, те кричали, спасались у Стелы, камеры тряслись в их руках.

Потом их тоже настигали, и изображение мельтешило обрывками черного неба, земли, перекошенных лиц и, в конце концов, обрывалось. Мальчики и девочки, завернутые в флаги Украины, рассказывали о произошедшем, показывали ссадины, синяки, порванные куртки. Они были совсем юные. В конце одного из видео студентка призвала

всех выйти против кровавого режима. «Зараз почалася війна», – закончила она свою речь.

Богдана позвонила Саше.

– Что-то странное происходит, – сказала она ему. – Знаешь, я и не предполагала, что в моей стране может такое быть. Мы ведь люди, мы не скот, который можно гонять и бить. Зачем с этими студентами так? Они просто пытались высказать свое мнение. Я думала, что живу в демократической стране...

«Беркут» бил всех без разбору.

– Богдана, пожалуйста, не выезжай сейчас на Майдан.

В течение часа позвонили папа и мама.

– Ты жива?

– Да!

– Слышала, вы хотели в Евросоюз.

– Почему хотеЛи?

– А сейчас хотите опять быть с Россией.

– Э-э.

Целый день на канале обсуждали возможное развитие событий:

– Януковичу конец! Ему этого не простят!

– Все это не просто так! Кому-то было выгодно заварить кашу, чтобы народ встал. Просто так избивать беззащитных студентов не имеет смысла.

Соцсети гудели. Руслана плакала и извинялась, что ее не было в тот момент на площади, и она не могла помочь избиваемым демонстрантам. Вакарчук призывал восток и

запад страны объединиться. «Беркут» оправдывался, что он действовал согласно закону. Власти обещали разобраться и наказать виновных в перегибах.

Полная сумятицы в мыслях, Богдана шла по коридору и вдруг услышала, как в подсобке кто-то тихонько всхлипнул. Она заглянула в приоткрытую дверь. Тетя Люда, уборщица, сидела в углу на стуле, среди ведер и швабр и плакала. Косынка съехала с головы на плечо, женщина пыталась вытереть ее кончиком мокрые щеки.

– Тетя Люда, – тихо позвала Богдана. – Что у вас случилось?

– Ой, да ничего... такое...

– Я могу чем-то помочь?

– Ну что ты, детка, – она улыбнулась. – Тут не мне помогать надо.

Богдана не уходила.

– Давайте я вам чаю принесу?

У женщины снова потекли слезы.

– У меня в две тысячи четвертом муж погиб, – сказала она. – Тоже на митинге. Оставил меня с двумя детьми. Никаких компенсаций не выплатили. Вот вспомнилось... А теперь сына побили.

Кровь у Богданы постепенно закипала. Ее совсем не вдохновляли митинги на Майдане. Скорее даже наоборот, она не верила в них, не верила в то, что таким образом можно что-то изменить. В 2004 году там стояли ее мама и тысячи других людей, – и что? Сейчас у власти находится

вор, страна разграблена, экономика разваливается. Две тысячи гривен считаются прекрасной зарплатой в регионах, – и большая часть Украины просто пытается выжить. Митинги ни к чему не привели, ничего не изменилось! Но ее возмущала несправедливость к людям, она не могла спокойно смотреть на слезы обиженных. Власть, которая не слышит своих граждан, – да что там не слышит, проливает кровь за критику и несогласие, – такая власть не должна существовать. Только не в ее стране! Она не хотела видеть в своей Украине побитых студентов, плачущих матерей, мужчин, которые боятся высказаться и молча довольствуются копейками за тяжелую работу. Так не должно быть! То, что сегодня произошло – неправильно! Вечером Богдана встретила с Сашей и Васей. В полутемном баре за маленьким столиком в углу друг против друга сидели два разных мужчины. Один среднего роста, худощавый, аккуратно одетый и причесанный. Это был ее будущий муж. Другой возвышался над ним горой, растрепанный, в небрежно накинутой потертой кожанке. Это был Вася. Голову его покрывали грязные белые бинты. – Был сегодня на Майдане, – рассказывал он. – Стоял снимал на GoPro. И вдруг раз – откуда-то камень, и мне в голову! Это хорошо, хоть не в темечко, а просто лоб мне рассек.

– Там уже камни в ход пошли?

– Да, там все очень серьезно настроены! Люди возмущены! –

Вася возбужденно сжимал татуированные кулаки. – На Майдане уже скандируют: «Революция!» и «Януковича геть!» Сейчас, как сказал Вакарчук, стоит вопрос, где мы будем жить: в вольной стране или в тюрьме? Там ведь как все произошло: хотели елку на площади поставить ночью, а студенты не дали. Вот их и начали разгонять. А теперь картинки появились в Интернете, как Янукович макает в кровь елочные игрушки и вешает на елку.

– Ну Януковича они вряд ли просто так прогонят, – сказала Богдана. – Импичмент, как мне объясняли, очень сложная процедура, многоэтапная, практически невозможная.

– Прогоним, – усмехнулся Вася. – Вы слышали, что мэр Львова сказал? Что весь город выйдет против кровавой власти!

Он размашисто налил себе колу в стакан и залпом выпил.

– Не пью теперь алкоголь вообще, – объяснил он. – На Майдане пьяные не нужны.

В Васе чувствовалась богатырская сила, разбуженная после тридцатилетнего сна. Как будто настал тот час, когда старцы дали Илье Муромцу испить водицы, и он почувствовал в себе силу немеряную и долг перед родиной. Теперь ему только нужно было найти свой меч под огромным камнем, и – вперед, совершать подвиги и оставлять память о себе в летописях.

На следующий день на Майдан вышло полмиллиона человек. Лидеры с импровизированной сцены объявили

всеобщую забастовку в стране с требованием отставки президента и кабинета министров. События начали развиваться с невиданной скоростью. За один день протестующие установили на площади баррикады из материалов, привезенных накануне для установки елки, поставили десятки палаток и оборудовали штаб в Доме профсоюзов. Саша видел, как лица людей в городе вдруг стали более сосредоточенными и одухотворенными. Желто-синий флаг появился не только в окнах и на балконах, он был вплетен в косы девушек, нарисован на лицах, завязан на сумках, торчал из машин, модницы красили ногти в желто-голубой. Киев натянулся, как струна, в ожидании рук музыканта. Окажется ли он мастером или очередным шансонье?

* * *

Богдана и Саша выехали вечером на Майдан. Они вышли из метро – и сразу попали в толчею. Это напоминало народное гуляние: женщины в украинских платках пели национальные песни, девушки улыбались и фотографировались, мужчины кричали: «Слава Украине! Героям Слава!»

– Возьмите горячего чаю согреться! – кричали им восьмидесятилетние старушки, пришедшие на площадь со своими термосами и с желанием помочь, чем могут.

– Нет, спасибо! Мы только из дома!

Саша и Богдана пробирались сквозь толпу к цепи милиционеров, охранявших Администрацию. С собой у них

были два рулона туалетной бумаги и плакат: «Не бей!» Бумагой они собирались обмотать себе руки и ноги, как бинтами. В таком импровизированном гипсе они хотели стать перед «Беркутом» и прессой, протестуя против насилия. При входе на Банковую народу было поменьше, кто-то пригнал сюда большой снегоуборочный трактор. Он стоял без водителя. Рядом крикнули: «Тут есть трактористы?» Саша и Богдана пошли дальше. Возле ограждения с милиционерами беседовали несколько человек. Они пытались объяснить стражам порядка цели и причины митинга, возмущались жестокостью зачистки Евромайдана. Милиционеры не реагировали, они старались даже не смотреть на говоривших. Плечом к плечу за железной оградой представители власти казались непробиваемыми как в прямом, так и в переносном смысле.

Саша и Богдана обмотались бумагой и подняли свой плакат. «Не бей!» – тихая просьба остановить насилие. Желание чувствовать себя человеком в родной стране. Но только вместо прессы они услышали рев парней в спортивных костюмах и масках. Они бежали прямо на них. «Титушки», – шепнула Богдана. Их было человек тридцать. Заводила с тяжелой цепью ринулся на заграждения, разметая их на своем пути. Другие с кусками арматуры прорывались к молоденьким беркутовцам, бросали в них бутылки и петарды. Бутылки ударялись о шлемы, разбивались, осыпали лица осколками стекла, петарды оглушали грохотом

взрывов. Трактор все-таки завели. Он рычал и, качаясь на огромных колесах, ехал на Администрацию. Теперь жертвы становились неизбежны. Снегоуборочный ковш напирал на стоящих цепью людей, оттеснял их назад. Беркутовцы пошатнулись, но не расступились.

Широко раскрыв глаза, Богдана смотрела на все это – и не могла пошевелиться. Саша тянул ее за руку, солдаты толкали в спину, а она, как замороженная, не могла двинуться с места. Ей хотелось увидеть все, ничего не пропустить. И хотя сердце бешено билось, она не опускала голову. Какие-то мужчины пытались выстроить свой кордон и прогнать «титушек». В мегафон просили остановить трактор. Кто-то вскочил на ковш и начал успокаивать людей. И тут Богдана закашлялась, у нее перехватило дыхание, в глазах резко защипало. Перцовый газ. Со стороны «Беркута» распылили газ. Саша схватил ее за плечи и потащил в сторону метро. Десятки людей вокруг куда-то бежали и кричали, заглушая призывы из мегафонов, рев трактора и свист петард. Это были одновременно ярость и ужас. Первых раненых вытаскивали на плечах их товарищи. Самая страшная потасовка, которую видела до этого Богдана, – была драка на школьной дискотеке. То, на что она смотрела сейчас, представлялось кошмаром, который не мог существовать в современном цивилизованном мире. На Майдане политики продолжали выкрикивать мирные лозунги, а на Банковой уже стояли столбы дыма, – и первая

кровь капала на камни брусчатки.

– Я не хочу домой, – сказала Богдана, когда они оказались в безопасности. – Здесь сейчас происходит история.

– Сейчас тут происходит безумная бойня. На той улице явно правит не разум и не воля народа.

Восстание против насилия, за ценность человеческой жизни и свободу мнения было искусно деморализовано и превращено в бесчеловечную агрессию. Как запятнать самое святое дело? Обагрить кровью. И десятки, сотни фотографий с перекошенными злобой лицами, жилистыми руками с горящими бутылками, железными цепями, с людьми, в дикой агонии атакующими милицейские кордоны, вылились в СМИ. Это были наемники-provokatory, «титущки», о чем знали и Богдана, и Саша, и все, стоящие на Майдане. «Это кровожадные убийцы, забаррикадировавшие главную площадь страны и представляющие опасность не только для Украины, но и для ее соседей», – утверждали провластные каналы. Так началась информационная война. С тех пор каждый день начинался и заканчивался просмотром новостей. Вся страна просыпалась и тянулась к телевизору и Интернету. Все ждали: что же будет? Впереди зима и морозы, а люди на Майдане не собирались расходиться. Проходили недели. Прошел месяц. Митингующих пытались разгонять, – но они отстаивали свои позиции, и их становилось только больше. Они стояли друг против друга: народ и «Беркут». Черная стена в

несколько рядов, прикрытая щитами, и десятки палаток и походных печей, от которых тянуло запахом жареного сальца. Они выжидали: кто первый начнет, кто первый сдастся. Но уходить никто не собирался, схватка была неизбежна. И к ней готовились: выламывали камни брусчатки и собирали в кучи, запасались керосином и шинами, тренировались.

Победа или смерть. Речь о перемирии не шла.

Богдана попросила свою начальницу отправить ее на съемки репортажа о митингующих.

– Зачем тебе туда? – удивилась она. – Ты же фешн-эксперт, а там, говорят, безработные стоят, от них мочой воняет!

– Да пошел этот фешн лесом, – усмехнулась Богдана. – Кому он сейчас нужен?

Богдана выпрыгнула из микроавтобуса на прилегающей к Майдану улице. Вслед за ней вышел оператор. Дальше пришлось идти пешком. На ней было модное пальто в купную клетку, в руках брендерированный микрофон.

Десятиградусный мороз сразу же пробрался под одежду и сковал холодом тело. Богдана поежилась. Навстречу ей попадались люди в ватниках, фуфайках, лыжных костюмах. «Что ж тебя дуже легко одели!» – крикнула ей разливающая кофе женщина. Богдана только улыбнулась и помахала ей рукой в розовой варежке. Богдана приехала сюда не ради работы, а скорее, чтобы разобраться для себя: кто эти люди, бросившие работу, комфортные дома, семьи? Ради чего они живут в палатках и как долго они готовы это делать? «Мы

готовы здесь находиться и неделю, и две, и три, – ответил ей мужчина из Закарпатья с длинными усами и выглядывающей из-под кожуха вышиванкой. – Я попрощался со всей семьей и приехал сюда. Со мной все наше село, всего около сотни людей. Мы требуем отставки существующего правительства».

– На, мала, погрейся! А то совсем замерзла! Бери говорю! – другой мужчина лет тридцати пяти протянул ей огромные кожаные перчатки.

– Спасибо! Откуда вы?

– Из Одессы.

– Когда приехали?

– В воскресенье утром. Я не один. Действовали в режиме самоорганизации, объединялись через социальные сети. Нас человек сорок.

Проходивший мимо пожилой человек остановился, некоторое время смотрел на Богдану и слушал, потом приложил руку к груди и сказал:

– Спасибо за то, что вы делаете! – и пошел дальше.

Богдана почувствовала, что еще чуть-чуть, – и она расплчется. Незнакомая ей до этого гордость за свою маленькую нищую страну, за свой свободолюбивый народ, готовый голодать и мерзнуть ради справедливости, волною поднялась из груди и остановилась комом в горле. Она видела в спокойных улыбках людей твердую волю и готовность стоять до конца. И если бы кто-то сейчас сказал

ей, что они приехали сюда ради денег, что этот блеск в глазах проплачен, – она бы развернулась и плюнула этому человеку в лицо. Плюнула бы очень смачно, от всей души. Чтобы он почувствовал эту горечь, которую люди молча копили в себе годами.

Богдана сняла сюжет, замерзшая, скрючилась – и убежала. А они остались стоять там. Сутками, неделями, месяцами, с ровными спинами.

Вечером после работы Богдану встретил Саша. Пока они ужинали, она, не умолкая ни на минуту, рассказывала ему о сегодняшнем дне. Он внимательно слушал, а когда стало уже совсем поздно, проводил ее домой до подъезда. Она поднялась, подождала, пока он уйдет, переоделась и поехала ночевать на Майдан. Саша бы ей не разрешил, но он знал, что она именно так и сделает.

* * *

- Как ты думаешь: жениться в такое время нормально?
- Любовь – самое сильное средство против войны. Только любовь побеждает агрессию.
- Хм, – задумалась Богдана. – ты имеешь в виду агрессию «Беркута»?
- Не только, – агрессию с обеих сторон. Митинг давно перестал быть мирным.
- Но ведь это война за правое дело!
- Кровавое пролитие ведет только к еще большему

кровопролитию. А в результате получается пепелище и озлобленные выжившие, которые будут продолжать по привычке кровью удерживать свои позиции.

– Не бывает революций без крови. К сожалению, это их неизбежный довесок.

– Ну почему же. Были ведь Ганди и Мартин Лютер Кинг. И они победили.

В конце декабря Саша и Богдана подали заявление в ЗАГС. Украина бурлила акциями протеста. Очаги разрастались по всей стране, и вот уже во многих украинских городах выросли свои майданы. Создавались все новые объединения и группировки, воюющие между собой: «титушки»; автомайдановцы, устраивающие пикеты под особняками политиков; антимайдановцы, которые проводили концерты в поддержку существующей власти; самооборона Майдана. От количества новостей голова шла кругом. Об Украине говорил весь мир, голливудские звезды записывали обращения в поддержку украинцев. Их смотрели в Интернете со слезами на глазах. Адвокаты впервые в истории страны организовали собственную акцию протеста, заявив, что в Украине нет независимого суда, и они лишены возможности в полной мере выполнять свои обязанности. Студенты объявляли голодовки. Прокатилась волна арестов и избиений журналистов. По ночам кто-то проходил с битой по машинам активистов, припаркованным у подъездов. Страна жила с комом в горле, постоянно готовая

разрыдаться: то от обиды, то от гордости за своих.

Утром Саша увидел в подъезде объявление с номерами самообороны Майдана. По ним следовало звонить в случае хулиганского нападения «титушек». Он вздохнул, но на всякий случай переписал. Уже больше месяца он наблюдал за происходящим как бы со стороны, выслушивал все доводы за и против, читал новости на разных сайтах. И теперь он начал понимать, что украинцы, действительно, особенные. Они нравились ему тем, что были очень мало привязаны к материальному, – и поэтому в них не было страха, они ничего не боялись. Они не сидели по норам в ожидании окончания суматохи, не препятывали свое богатство. Они жили еще более страстно, и смех их звучал еще громче. Саша был восхищен мужеством украинцев, взбудоражен их силой воли, стремлением стоять за свои идеалы до конца. Они говорили: мы люди, у нас есть права! И за свои права и свободы они готовы были умирать.

Целью митинга давно уже не было вступление Украины в Евросоюз, теперь народ стоял за свою свободу, за право слова, за честную власть. Несколько раз Саша передавал через знакомых продукты на Майдан. Он хотел помочь людям, но не стремился поддерживать тот или другой лагерь в политических разборках чужой страны. Он был гражданином другого государства и понимал, что не имеет морального права быть участником политических действий. После того, как здание Администрации города захватили

митингующие, Саша решил съездить туда. Он хотел посмотреть своими глазами, действительно ли там нет погромов, правда ли, что люди греются и ночуют в коридорах, не заходя в кабинеты, как утверждали журналисты. У входа его встретили мужчины в военной форме, на некоторых были маски – самооборона, понял Саша. Он поднялся по ступенькам и вошел в широкие двери. В просторном зале народу было много, под окнами на полу расстелены одеяла, на них спали майдановцы – без одеял и подушек, но крепко. Вокруг ходили, разговаривали, шумели - майдановцы не просыпались. На стенах висели плакаты оппозиционных партий, сине-желтые и красно-черные флаги. Эти красно-черные флаги – символика Украинской повстанческой армии – смущали Сашу. Как всякий выросший в России человек, он видел в них предательство по отношению к дедам, воевавшим в Великую Отечественную, к родине, таким трудом отстоявшей свою независимость. «А сейчас речь идет об их независимости, – думал он. – И у них она своя, как у каждой страны, – своя правда, своя история и свои герои. И не нам их судить. В России сейчас любят вспоминать «белых» генералов, расстрелянных коммунистами писателей и поэтов. И «белые», и «красные» любили родину, и те, и другие умирали за нее. Сейчас мы это понимаем. Мы чтим память и тех, и других. За Украину умирали свои герои, и пророссийские, и красно-черные. Одни видели будущее

страны в присоединении к России, другие боролись против всех, за собственную свободу и независимость. Все они сражались за лучшее будущее страны. Только видели они это будущее по-разному. И теперь Украина снова на перепутье».

В Администрации было спокойно, многие заходили просто посмотреть и сделать селфи. Чуть дальше от входа стояли столы с бесплатным чаем и бутербродами. Со сцены звучало: «Мы – организованные украинцы. Наше помещение: Колонный зал и первый этаж. Любые выходы в соседние помещения и на верхние этажи запрещены. Когда видите каких-то неизвестных людей: пьяных, бездомных, агрессивных, – говорите об этом, мы будем их выводить!» Саша прошел ближе к сцене. Там в толпе молодой парень вытащил из кармана партийный билет правящей партии. Показав «корочку» собравшимся, он разорвал ее в клочки и бросил на пол.

Саша пробыл в Администрации еще час. Он видел, как семидесятилетний мужчина искал кого-то из организаторов, чтобы передать конверт с полутора тысячами гривен, которые он отложил со своей пенсии. Это было больше, чем государство платило ему в месяц. Он очень просил при этом не сдаваться и «избавить Украину от банды, разворовавшей страну». Его поблагодарили, хотели сфотографировать, а он отворачивался от камер и говорил, что еще принес теплые сапоги, чтобы бойцы не мерзли.

На улице Саша увидел, как мужчины железными кольями взламывают брусчатку. Женщины руками без перчаток, со слезшим с ногтей лаком, подхватывали камни и складывали в кучи. Женщин на Майдане было много – и совсем молодых, и уже в преклонном возрасте. Почти все они были заняты каким-то делом: кто-то готовил борщ в огромном чане, кто-то раздавал бутерброды. Одна девушка играла на пианино, выставленном посреди площади. Саша остановился послушать. Молодая, может быть, еще студентка, в легкой парке и вязаном берете, она играла что-то из классики, грустное, мелодичное. Играла на память, быстро бегая пальцами по клавишам. Пальцы у нее были тонкие, длинные – пальцы пианистки. Но сейчас их белая кожа растрескалась от мороза, под ногтями засохла грязь. Она работала на Майдане, не первый день и не первую неделю. Ее рыжие волосы развевал сырой холодный ветер, глаза были миротворенно закрыты. Она улыбалась. Прямо перед ней, в нескольких метрах, прикрываясь огромными щитами, стеной стоял «Беркут».

По дороге домой Саша пытался разобраться в своих впечатлениях. Было что-то смутное, еще не до конца ясное. Он видел неудержимое стремление к свободе, честности и демократии. Видел искренность и отвагу в глазах, небывалый подъем патриотизма. Но он уже знал о первых смертях, горящих «коктейлях Молотова» и куче краугольных камней, которые будут лететь без разбора в

спины и головы.

Позвонила мама.

– Как у вас там дела?

– Отлично.

– Саша, может быть, ты в Россию вернешься? – осторожно спросила она.

– Нет, не вернусь, мам. Ты не волнуйся, здесь не так опасно, как ты думаешь. Все хорошо.

– Говорят, там русскоязычных ущемляют. Как же ты будешь работать?

– Что? Я первый раз такое слышу. Меня ни разу никто не ущемлял. Я все время говорю на русском – на меня никогда никто косо не посмотрел. Да здесь все говорят на русском. Так что это полный бред, не верь! Мам, пожалуйста, не беспокойся за меня и не слушай глупости.

– И Богдану бы свою к нам привез.

Саша молчал.

– Ну хорошо, закупи продуктов на несколько месяцев, - продолжала она. – Наши журналисты предупреждают, что у вас скоро закроются магазины, и будет нечего есть. А вообще я не понимаю, дали мы Украине пятнадцать миллиардов, чего им еще нужно, что они там воюют? Лезут в эту Европу, а кому они там нужны?

* * *

В середине февраля поздно вечером в дверь Сашиной квартиры позвонили. Саша уже лежал в постели и пересматривал «Донни Дарко». Он взглянул на часы: было начало двенадцатого. Он подождал, но незваные гости уходить не хотели, звонок раздавался снова и снова.

Пришлось натягивать штаны и плестись открывать дверь. В коридоре стоял Боря, в руках у него был огромный пакет.

– Привет, брат!

– Мне нужно где-то переночевать. Впустишь?

– Конечно, заходи! Хочешь, спушись в ларек за пивом?

Кроме пива они купили еще бутылку коньяка, заказали по телефону пиццу. Сразу подниматься в квартиру не хотелось, и они присели на скамейку у подъезда ждать доставку.

– У итальянцев национальное блюдо – пицца, а у русских – напизца! – Боря открыл пиво, и послышалось шипение поднимающейся из горлышка пены, крышка звонко ударилась о дно мусорки.

– Что случилось? – спросил его Саша.

– Хочу уйти от Светки. Я больше так не могу.

Они были вместе четыре года, последний год женаты. Саше никогда в голову не пришло бы, что у этой семьи могут быть серьезные проблемы. Боря был угрюм и подавлен, говорил сбивчиво, обрывался на полуслове, что-то вспоминал, возвращался к уже сказанному.

– Не знаю, может быть, уйти на время, а потом вернуться, когда все в стране уляжется... Понимаешь, мы вообще не

можем общаться сейчас. Из-за Майдана. Светка ненавидит майдановцев и каждый день мне промывает мозги, чтобы я туда не ходил.

Боря достал сигареты и нервно закурил. Красный огонек замелькал в темноте, время от времени освещая Борино лицо.

– Она ни разу сама не была на Майдане, висит в Интернете на русских сайтах, мама ей еще звонит из Крыма, подначивает. В общем, стоят там одни алкаши и ублюдки, которые только и могут, что развалить страну.

– Да нет там алкашей, я был там.

– Да я тоже регулярно езжу от канала снимать. И что мне уволиться теперь, чтоб меня туда не посылали? Сам я в атаки не хожу, на передовую не лезу, но, знаешь, когда она какую-то чушь про майданутых и майдаунов начинает нести, я сдержаться не могу! У нас каждый день уже ссоры!

Саше было тяжело слушать эту исповедь. Он не знал, что нужно говорить в подобных случаях. Наверное, нужно стараться помирить людей, чтоб не распалась семья. Он категорически был против разводов. Он помнил, как в детстве ссорились его родители, как кричала мама, и как хлопал дверью и уходил из дома папа. Как отец просил его, ребенка, вынести смену белья и бритву, чтоб он мог переночевать и побриться где-то в гостинице. Как однажды родители собрали их с братом в комнате и сообщили, что они разъезжаются и что дети остаются с мамой. Тогда он объявил

голодовку. Маленький Саша сел на кресло в зале и не вставал с него два дня, несмотря на уговоры и слезы. И родители пообещали ему, что не разведутся. Через какое-то время они помирились и до сих пор живут вместе. Хотя и спят в разных комнатах.

Боря продолжал курить и рассказывать:

– Вообще домой не хочется идти. Тебе не понять меня, ты не женат.

– Может быть, и не понять, - повторил Саша. – Слушай, а как же любовь? Прошла?

– Не знаю, - он помолчал некоторое время. – Хрен его знает, не могу понять. Порой чувствую, а иногда бесит так сильно. Может, это всего лишь привязанность. Когда ты молодой, только встречаешься – ты по-другому все представляешь. Тогда о любви думаешь, а сейчас...

– А она тебя любит?

– Да вроде любит.

Вдалеке послышались крики и взрывы петард.

– «Титушки», наверно. Светка боится их страшно.

– И что теперь делать будешь? – спросил Саша.

– Я не знаю... Кварту сниму. Работать, ждать, когда все закончится. Может, потом помиримся.

– Пойдем домой? Не хватало «титушкам» еще на нас нарваться, – Саша встал. – Чувствую, что пицца приедет, когда мы уже спать ляжем.

Ночью Саша сквозь сон слышал, что Боря ходил по кухне

взад-вперед. Ему то и дело приходили эсесески.

«Оставить семью, любимого человека из-за политических разногласий? Единственное в мире, что стоит беречь – это отношения, – думал уже сквозь сон Саша. – Иногда все идет через пень-колоду, но сдаваться и уходить – это слабость. Главное, любовь и прощение. Но любовь и прощение, – что они могут? Остановить войну? Они никогда не устоят перед силой, властью и деньгами. Почему же Бог сделал их своими столпами? Невозможно понять Бога, как невозможно увидеть любовь». На этих словах сон зыбкой рекой затянул его в глубины сладкого бессознания и помешал закончить размышления.

Ему приснилось, что он – маленький мальчик, а в соседней комнате ругаются родители. Они очень громко кричат. Потом за стеной слышатся удары и взрывы, строчит пулеметная очередь, от которой со стены рядами отваливается штукатурка. Он, десятилетний, выбегает из квартиры и бежит сквозь гущу домов, уличных рынков, полуразвалившихся трущоб. Останавливается на берегу реки, чтобы перевести дух и окунуться. Рядом купаются девочки его возраста. Но когда он пытается зайти в воду, река высыхает, и он бредет по песку. Одна из маленьких девочек плачет, поднимает к нему залитое слезами лицо и говорит: «Ты знаешь, что в том доме открыли портал в другой мир, и теперь там все время воюют?» И Саша переполняется ужасом произошедшего. Он поворачивается

и бежит назад, чтобы остановить войну.

Когда он проснулся, было уже утро. Некоторое время он еще лежал в постели, находясь под впечатлением сна, окутавшего его, как плотная паутина. В голове все кружили обрывки и детали, желая снова собраться в общую картину. Сделав над собой усилие, он встал и вышел на кухню. Она потопала в сигаретном дыму. За столом, подперев голову рукой, сидел и смотрел на него Боря. Лицо у него было серое и помятое. Перед ним стояла чашка, доверху набитая окурками. Он не спал всю ночь.

– Яичницу на завтрак будешь? – предложил ему Саша.

Он открыл холодильник, там лежали два яйца, начатая упаковка сосисок и засохший кусок сыра.

– Я домой поеду, – услышал он за спиной уставший голос Бори.

– Хорошо.

– Светка мне писала, мы много разговаривали...

Извинилась. Ты знаешь, когда мы познакомились в университете, это же она первая начала за мной бегать.

Говорит, что сразу влюбилась в меня, – он довольно хмыкнул.

Саша разогрел сковородку, высыпал на нее нарезанные сосиски и разбил яйца. Он был рад, что все так хорошо и быстро закончилось. Через несколько минут, позавтракав, Боря ушел и унес с собой свой огромный пакет с вещами.

* * *

В конце зимы, 18 февраля, огонь и дым вдруг взвились над Майданом, превратив этот маленький пяточок земли в ад. Началось то, к чему готовились предыдущие два месяца. Правительство решило силой зачистить Майдан, освободить площадь от палаток и митингующих. В ответ протестующие подожгли автомобильные покрышки по периметру баррикад. Чад и гарь заполнили морозный воздух, превратив белую зиму в черное пепелище. Языки пламени то затихали, то взмывали выше зданий, до неба, которого уже не было видно и которое тоже не смотрело вниз. «Беркут» занимал баррикады, майдановцы яростно сопротивлялись. Летели камни, горящие бутылки, выносили окровавленных людей. Через прямую трансляцию в Интернете в реальном времени полмира смотрело, как попадают в тела пули и настоящая кровь бьет струей на землю, как сгорают в огне руки, спины и лица, как под щитами из дорожных знаков пробираются медики к раненым – и сами падают подстреленные.

Богдана слушала новости и молчала, только время от времени поглядывая на Сашу огромными умоляющими глазами.

– Собирайся, поедem, – сказал он.

– Да ладно! – она моментально соскочила с дивана. – Возьмем шины и бинты!

– Нет! Только медикаменты и теплую одежду.

По дороге они заехали в аптеку, купили перевязочные средства и обезболивающее, затем – в магазин за батонами, колбасой и сыром. С огромными пакетами в каждой руке они пробирались старыми улицами к перекрытому Майдану. «Титушки» били машины. Саша и Богдана видели их черные силуэты, слышали визги и звон разбитых стекол. В руках у «титушек» звенели цепи, свистели биты. Было страшно. Саша и Богдана свернули во дворы и осторожно пошли по темным скользким подворотням на гроыхание выстрелов и оранжевое зарево.

У входа на Майдан у них забрали пакет с продовольствием и теплую одежду, медикаменты сказали отнести в Михайловский собор. Там в трапезной монастыря открыли пункт первой хирургической помощи.

И опять долгая дорога по темной узкой улице. Не знаешь, кто встретится тебе на пути: чужие или свои. Побьют или помогут.

Плитка возле входа в собор была испачкана кровью. Саша с Богданой зашли в храм: вокруг алтаря на красных коврах вповалку лежали мужчины: кто в овечьих теплых тулупах, кто в тонких джемперах. Они спали. Молоденький мальчик с перевязанной головой дергался и бредил во сне. На стене висел лист, где в столбик были выписаны номера телефонов, а сверху над ними старательно выведено: «приходите ночевать». Номеров было много.

В самой трапезной, прямо под иконами, стояли

операционные столы, капельницы и другое медицинское оборудование. Многие столы были заняты. Работало больше десятка врачей и медсестер. В углу были сложены медикаменты, которые приносили киевляне.

– Вы только скажите, что вам нужно, чего не хватает? – подошла Богдана к одному из хирургов.

– Скальпели, иглодержатели, ножницы, кислород, глазные капли, кетанов, – он перечислял, а Богдана записывала, другие медики тоже подходили и подсказывали.

Богдана опубликовала пост в Фейсбук со списком лекарств и призывом о помощи пострадавшим. Ей тут же перезвонили несколько человек. «В Михайловский собор, быстрее, камон!», – кричала им в трубку Богдана. Люди сновали вокруг, как в огромном муравейнике. Они заходили, предлагали помощь, уходили. Их были сотни. «Я психолог, я могу помочь?» – спрашивала рядом женщина. Ее проводили в помещение к раненым. Богдана видела известных медийных людей. Они таскали воду, устанавливали койки, разбирали лекарства.

Сашу попросили относить респираторы и раздавать на Майдане. Богдана поцеловала его.

– Пожалуйста, доживи до свадьбы! – улыбнулась она.

– Пожалуйста, жди меня здесь, никуда не уходи, – попросил он.

Богдана сначала помогала рассортировывать лекарства, но сидеть в безопасном месте в такое сложное время она не

могла. Она тоже взяла несколько респираторов и вышла из монастыря.

Всполохи от горящих шин освещали дорогу и делали черные тени у стен домов еще более зловещими. Казалось, вот-вот оттуда выскочат молодчики с арматурой и начнут крушить все на своем пути. Из прилегающей улочки вырулили два черных джипа с заляпанными снегом номерами и остановились у обочины. Богдана отступила в тень и прижалась к стене.

– Выгружаем здесь! – крикнул один из водителей.

Дверца второго джипа открылась, и из него выпорхнула миниатюрная женщина в короткой норковой шубке. Она вытащила из багажника две большие покрышки, не задумываясь, прижала их к дорожному меху, и понесла в сторону Майдана. Мужчина тоже вынул из своего багажника несколько шин и пошел следом за ней.

Уже возле баррикад Богдана увидела, как выводят раненых. Молодой парень с пробитой головой и текущей за шиворот кровью цеплялся заоченными пальцами за своего проводника и повторял, что сейчас потеряет сознание.

Спутник уверял, что все будет хорошо, что ему помогут. А следом за ними выносили мертвое тело.

– Куда? Что с ним делать? – вытаращив полные ужаса глаза, кричал совсем еще юный мальчик лет шестнадцати.

– Пока к Михайловскому, а там решат, – отвечал сквозь сжатые зубы широкоплечий мужчина в военном.

За носилками побежали журналисты и сочувствующие. Богдана смотрела им вслед. Кто-то еще ждет его дома и даже не может представить, что в мирное время человек может погибнуть в бою. Еще вчера сюда приходили делать селфи, а сегодня здесь умирают по-настоящему.

У входа на Майдан на помосте стояла девочка, укутанная шарфами, она пропускала внутрь только взрослых мужчин, отдавала команды, куда нужно идти и что делать. На ее серьезном, перемазанном гарью лице глаза казались огромными и блестящими, как прожекторы.

– Девушкам нельзя! – крикнула она Богдане.

– Я несу респираторы! – ответила Богдана и показала ей охапку. – А еще я журналист! У меня есть пресс-карта.

Сейчас покажу, она в заднем кармане!

Богдана пыталась одной рукой перехватить все респираторы, чтобы второй достать карту.

– Ладно, проходи, – также серьезно крикнула девушка на помосте и переключилась на подростков.

Черная земля и черное небо, силуэты людей на фоне всполохов пламени, – Богдана смотрела и не могла вспомнить, что же ей делать дальше. Впереди она слышала треск фейерверков и грохот выстрелов, крики людей, смешавшиеся в один гул ярости. Она стояла в ступоре. Руки и ноги затвердели, только взглядом она выхватывала отдельные картины происходящего. Вот женщина нагребает снег в мешок, на ее руках перчатки из тонкой дорогой кожи.

Из-под рукава поблескивают часы Gucci, Богдана знала эту модель, они стоили более двух тысяч долларов. Очкарики-айтишники кидают эти мешки на спины и тащат на баррикады. С другой стороны – огромный, как великан, парень подхватывает несколько торб с камнями и легко несет их на передовую. Молодой человек в каске держит в руках телефон и говорит жене: «Уложи сегодня малого спать на час раньше. А мою завтрашнюю встречу перенеси с десяти утра на три часа дня». Он весь перемазан сажей, а под мышкой бита. И снова раненые: мужчина лежит на асфальте, одна нога у него босая, он самостоятельно пытается вправить себе вывих и ругается диким матом. На носилках пронесли бойца с рваной раной на бедре. Он только сжимал кулаки, по лицу его струился не то пот, не то слезы.

– Эй, малая! – услышала Богдана у себя над самым ухом. – Ты что здесь делаешь?

Она обернулась и увидела Васю. Выглядел он уставшим и похудевшим. Копоть глубоко забилась в морщины на лице, щетина отросла почти на сантиметр, что прибавляло ему лет десять возраста. Из уха к воротнику спускалась засохшая струйка крови.

– Привет! – обрадовалась она. – Я помогаю, вот респираторы. Тебе нужен?

– Давай! И неси остальные туда! – он показал рукой в сторону сцены. – Там тебя скоординируют.

– Вася, как ты тут?

– Я здесь с утра. С самой первой атаки. Закрыв Харлея дома – и сюда. Как раз только «Правый сектор» начал бросать в солдат коктейли. А те в ответ свето-шумовые гранаты.

Наплотался газа!

– У тебя кровь из уха, ты знаешь?

• Это меня немного контузило, на Институтской.

Сдерживали натиск Беркута, нас всего человек тридцать было. И меня волной ударило. Ничего не слышу, не вижу, отошел от баррикад, прихожу в себя, смотрю – стоит женщина с ребенком, года полтора. А эти идиоты ее водой давай поливать, как раз водомет подогнали.

• Господи! Что там женщина с ребенком делала?

• Я ее щитом прикрыл и начал отводить. А с самого аж течет, вся одежда мокрая. Ах, малая, я тебе потом столько историй расскажу для твоих статей. Хоть книгу написать можешь!

Казалось, он был слишком усталым, чтобы улыбнуться.

– Когда ты домой?

– Пока нельзя, людей мало, мы отступаем. Надо защищать.

Вася ушел, тяжело ступая, ссутулившись. Богдана смотрела ему вслед.

Она не пошла к сцене, а направилась сразу на передовую.

По дороге она раздавала респираторы мужчинам, таким же черным, грязным и со струйками крови. Кто-то кивал ей головой: «спасибо», – кто-то хватал респиратор, не глядя.

Дым и темнота тут же забирали этих людей, – и они исчезали

где-то там в небытие, – безымянные и бесстрашные.

Богдана была в аду. Со всех сторон полыхало пламя, из-за дыма было почти ничего не видно. Последний респиратор она надела на себя, чтоб не задохнуться. Она шла, спотыкаясь и боясь упасть: на земле валялись камни, осколки стекла, палки.

– Дура, возьми щит, здесь стреляют! – крикнул ей парень.

Богдана прикрыла голову руками и подбежала к кучке людей.

– Чем я могу помочь? – спросила она.

- Вот бутылки, вот бензин, – ей показали, как делать «коктейль Молотова».

Она принялась старательно вкручивать пропитанные горючим тряпки в узкие горлышки. Фитиль должен быть вставлен так плотно, чтобы бензин не проливался, и пламя не проникало внутрь бутылки. Рядом эти коктейли запускали в «Беркут» из огромной рогатки. Они приземлялись с той стороны баррикады, поднимая клубы черного дыма. Иногда бутылки взрывались в воздухе, почти над головой, и огонь падал на людей с этой стороны.

Богдана чувствовала бешеный прилив адреналина. Она защищала свою Родину. Вместе с ее народом, который готов был стоять до конца и отдать свои жизни за свободу и правду. Чтобы больше никто не смел держать их за быдло и скот, чтобы в стране правил закон, а люди жили честно, не боясь бандитов и лживых судов. Чтобы «Беркут» больше не

калечил людей за их мнения, чтобы не приходилось мерзнуть на Майдане в тридцатиградусные морозы, и окровавленных людей выносить с поля боя в ближайший монастырь.

Богдана подошла к рогатке, в руке она держала только что сделанный ею «коктейль Молотова».

– Можно я, – попросила она.

Ее пропустили. «За Украину! За свободу!» Она бросила один, другой... Бутылки летели, описывая дугу, и взрывались, приблизившись к земле. Одна из бутылок ударилась о каску беркутовца, и его лицо вспыхнуло огнем. Горящий бензин стекал по груди и плечам. Беркутонец пытался руками погасить пламя на лице, но ладони тоже воспламенились. Богдана видела этого метавшегося в огне мужчину, как будто он был совсем близко. Ей казалось, что она даже рассмотрела его глаза и услышала крик из его перекошенного рта. У нее подкосились ноги, она отошла и опустилась на землю. Ей не хватало воздуха в респираторе, и она его сняла. Горящее под каской лицо беркутовца стояло у нее перед глазами. Богдана оглянулась вокруг: люди отступали, одна из баррикад была разрушена, сине-желтые флаги горели и падали под ноги бегущим. Теперь она чувствовала себя отрешенной от всего происходящего, будто смотрит фильм о войне в кинотеатре. Парень с пробитой головой кинулся на одного из беркутовцев и начал стягивать с него каску. Его били со всех сторон дубинками, но ему каким-то чудом удалось сорвать шлем.

Он натянул его себе на голову и побежал прочь. В то же самое время что-то ледяное обожгло Богдане голову и спину. Холодная капля потекла за шиворот. Богдана вскочила. Кто-то схватил ее в охапку и потянул назад, к сцене. «Уходим!» – кричали ей на ухо. Она обернулась. Из огромного шланга вода под напором била по горящим шинам, по черным бегущим людям и превращалась в грязный хрустящий лед под ногами. Огромная ручища пригнула ей голову, закрыла полый тяжелой куртки и потащила. Богдана ничего не видела. Как в бреду, она бежала, потом упала на острые камни и стерла себе руки и колени. Когда подняла голову, то увидела, как ее спасителю в шею ударила резиновая пуля. Он схватился за горло и с силой пытался продохнуть, хрипя и беспомощно глотая ртом воздух. Богдана закричала от бессилия и ужаса. Крика своего она не услышала, он потонул в реве тысяч таких же криков и в грохоте выстрелов.

* * *

Саша вернулся в Михайловский собор за следующей партией респираторов. Богданы там уже не было. Он позвонил ей, но связь «лежала». По всей видимости, ее отключили специально. Саша принялся расспрашивать, кто и где видел Богдану в последний раз. Он показывал ее фото на телефоне, но люди вокруг были настолько уставшими и

занятыми своим делом, что никто не запомнил одну из тысяч проходивших мимо девушек.

– Уже десятки пропавших, а скоро будут и сотни, – ответил ему прыщавый студент-медик с не по-юношески серьезным взглядом.

Женщина, выдававшая респираторы, сказала, что вроде бы эта девушка подходила к ней.

– У нее еще такие розовые пушистые варежки?

– Да-да, это она!

– Взяла маски и понесла их на Майдан.

Это было так похоже на нее: полезть в самое пекло! У Саши запульсировало в ушах. Только что он видел там, за баррикадами, смерть и ничем не сдерживаемую человеческую агрессию. Неуправляемая ярость не разбирала правых и виноватых, она сметала все на своем пути и калечила людей направо и налево. Только бы не было поздно!

– Эй, если ты туда, возьми с собой еще маски! – крикнула ему женщина.

Но он уже ничего не слышал, среди людей глаза искали только ее! Саша с трудом пробирался сквозь толпу отступающих бойцов. Они отходили, прятались за мешками с песком и снегом, перегруппировывались – и снова шли в наступление. У них были картонные щиты, пращи с камнями и палки. «И так они – против армии?» – думал Саша. Его поймал за руку командир сотни.

- Не лезь раньше времени! Слушай команды!
- У меня там девушка, мне надо ее найти.
- С Институтской работает снайпер! Высунешься – тебе конец!

Саша всматривался в лица, но в черных тенях от всполохов пламени и в пелене от дымовых гранат рассмотреть что-то было трудно. Он перебежал от укрытия к укрытию. За какой-то железной бочкой парень, не спрашивая, нахлобучил ему на голову каску. Многие были в крови. Три раза Саша пересекся с одним медиком, который вытаскивал раненых. Во взгляде у него было спокойствие.

Саша был уже на другой стороне Майдана, когда увидел отступающих мокрых бойцов. С их одежды лилась вода, на волосах застыли ледяные сосульки. В горячке они еще не чувствовали холода, хотя одежда уже задубела на морозе. Впереди дымились потушенные баррикады. В этот момент Саша услышал крик о помощи. Он огляделся. Совсем молоденький мальчик в пестрой сноубордистской куртке лежал навзничь за грудой камней. Он тихо плакал. У него была прострелена нога.

- Брат, тебя сейчас заберут врачи. Все будет хорошо!
- У меня очень горячо в ноге! Я не могу встать.
- Откуда ты?
- Из Киева.
- Ты сегодня уже будешь дома, примешь ванну и заснешь в постели.

– Я боюсь, сюда не доходят медики, – глаза у него были серые, детские.

– У тебя есть чем укрыться?

– Вон там щит.

Саша взвалил его себе на спину, прикрыл щитом и короткими перебежками между укрытиями потащил к Дому профсоюзов. На полпути его остановили медики. Дом профсоюзов горел. На большом черном здании плясали оранжевые квадратики окон, зловещими розовыми отблесками отражаясь на огромном экране, установленном на стене. Экран плавился и постепенно темнел, а огонь разгорался лишь сильнее, захватывая новые этажи.

– Там раненые! – говорили медики. – Мы не успеваем всех вынести с верхних этажей. Там десятки человек! Нам нужна помощь.

Саша побежал к Дому профсоюзов. Он видел, как из окна на шестом этаже посыпалось стекло. Потом в окне появилась фигура мужчины. Он забрался на внешнюю сторону подоконника и так стоял, держась за стену. Кто-то схватил обгоревшую палатку. Саша помог развернуть ее, и палатку натянули, как батут.

– Прыгай! Прыгай!

Но мужчина не решался. От стен отпадали огромные куски штукатурки, от огромной температуры взрывались стекла, с крыши летел расплавленный битум. Все это падало на голову Саше и другим людям. Парень не прыгал – боялся.

Тогда один из митингующих в штатском стал подниматься по планкам, оставшимся от сгоревшего экрана, вверх. Он полз по стене на шестой этаж, как профессиональный альпинист. Все смотрели вверх, не отрываясь.

– Я не знал момента прекрасней, – сказал задумчиво боец в возрасте.

Альпинист подал руку зависшему на краю подоконника парню, и они вместе начали спускаться вниз. Когда до земли оставалось несколько метров, они прыгнули на расстеленную палатку.

Саша нашел Богдану еще через полчаса. Она сидела за сценой, прямо на снегу, замерзшая, скрючившаяся под чьим-то огромным бушлатом.

– Богдана! Ты здесь! – почему-то только сейчас горло сдавил ком и захотелось плакать.

– Саша! – она протянула руки. – Меня оглушило гранатой. Очень болела голова. Но сейчас уже лучше.

– Наконец-то я тебя нашел! Ты можешь идти?

– Думаю, что уже да.

Он поднял ее и обнял. С одной стороны ее куртка и джинсы были мокрыми. Саша принялся растирать ее тело и руки.

Нужно было срочно отправиться домой, чтоб она не заболела.

– Как же я волновался за тебя! Богдана, я прошу, я умоляю тебя больше никогда так не делать! Я пережил самый

мучительный час в своей жизни!

– Прости, что я не дождалась, – Богдана прижалась к Саше, ее тело была крупная дрожь.

Когда они уходили, перестрелка уже стала тише, горела только одна баррикада, остальные дымились густыми черными столбами. Повстанцы отступили, но не проиграли. Впереди было еще несколько дней отчаянного противостояния – и еще много отлетевших на небо душ. Квартира Саши была ближе. Один из автомайdanовцев подбросил их туда. Саша раздел Богдану и поставил под горячий душ, а сам прошел на кухню. Включил чайник. Всю дорогу Богдана была непривычно молчалива. Сначала Саша думал, что она задремала в машине, но она не спала. Богдана задумчиво смотрела в окно на ночные улицы, залитые желтым светом фонарей. Какие-то мысли кружились в ее голове, – и она время от времени шевелила губами и морщила лоб.

До сих пор не верилось, что они уже дома, что тут тихо, а там, в нескольких десятках метров отсюда, идет перестрелка, гибнут люди, полыхает красным пламенем город. Во время долгих поисков среди взрывов и раненых он ни разу не представил себе, что Богдана погибла, что ему придется жить без нее. Он не мог себе этого представить. Поэтому найти ее было также естественно, как знать, что она – единственная девушка, с которой он будет всю свою жизнь. Богдана вышла из ванной, завернувшись в большое

полотенце. Сзади из-под полотенца по лопатке взмывала вверх стая птиц. Богдана забралась с ногами на стул и уткнулась носом в колени. Саша подал ей кофе. Но она даже не взглянула на него.

– Саш!.. – повисла пауза. – Я сегодня в беркутовца бросила «коктейль Молотова», у него лицо горело и руки. Я изуродовала человека на всю жизнь. Может быть, – и не одного. Но этого я ясно видела, как он бился и кричал. Саш, я боюсь, что меня Бог не простит.

– Как-то я говорил с одним греком о Боге... И он сказал, что Бог дает тяжелые обстоятельства, чтобы люди вспомнили о нем, обратились к нему за помощью. Может быть, мы забыли о Боге? Пришла пора обратиться? А там уж, как сказал мне этот грек, Бог прощает, помогает... Так что он тебя простит! Обязательно! Правда!

Саша взял ее за руку.

– А меня, знаешь, что беспокоит? Как борьба против агрессии превратилась в ярость – и сама сметает все на пути. Как хорошие, добрые люди вдруг начинают убивать друг друга.

Они оба задумались.

– Саш, у меня сейчас такой разброд в мыслях. Вообще не могу сосредоточиться, – Богдана отпила немного кофе. – Но я уверена, что мы там воевали за правое дело, что погибшие там – герои.

– Никто и не спорит с этим. Я восхищаюсь украинцами, у

них героизм в крови. Я сам еще не разобрался в своих мыслях и чувствах. Просто то, что я видел сегодня – это средневековье, такого не должно быть. Люди не должны решать проблемы таким способом. Иначе убийство становится оправданным! Понимаешь? Когда мы говорим, что кто-то прав, когда кого-то убил, – мы открываем ящик Пандоры, – и тогда уже череду смертей остановить очень трудно. Убийство, стрельба, военные действия не должны быть законными, ни в коем случае. Понимаешь, что тогда начнется?

Когда выключили свет, и комната заполнилась мраком, Богдану снова, как волной, накрыло тревогой. Она не могла остановить поток образов, то и дело всплывавших в ее сознании. Образы были бессвязны, нелогичны, они вспыхивали и пропадали, заставляя тело вздрагивать, а сердце – чаще биться. Красное зарево, перекошенные лица, горящие заживо люди. Длинные волосы обматывались вокруг шеи и душили ее. Она сильнее хваталась за Сашину руку. Чувствовала его мускулы и успокаивалась. Он спокойно дремал, Богдана слышала его ровное дыхание. Значит, все хорошо; значит, мир еще не скатился в тартарары; значит, завтра будет новый день.

– Богдана, по-моему, у тебя температура. Ты горишь, – Саша проснулся и потрогал ее лоб.

– Утром все пройдет, на мне заживает, как на собаке.

– У меня есть какие-то порошки. Я сейчас принесу, – Саша

встал и начал рыться в аптечке.

Богдана почувствовала, как ее заполняет нежность. Она защекотала ей живот и кончики пальцев на ногах. Ее мужчина, надежный, умный, красивый, заботливый. Она смотрела, как он передвигается по комнате.

Широкие жилистые плечи уверенно расправлены, движения мягкие, щурится после сна.

– Пожалуйста, будь со мной всегда, – прошептала она.

Он не услышал, он растворял порошок.

– Ты что-то сказала?

– Я поняла, насколько ты мне необходим. Ты лучше всех, кого я когда-либо знала, – слезы медленно поползли по горячим щекам.

Он подошел и провел длинными сильными пальцами по ее спутанным волосам.

– Что бы ни случилось, – я всегда рядом.

Она поцеловала его руку.

– Почему ты такой хороший?

– Я люблю тебя!

Лавина внутри нее прорвалась, и Богдана заплакала, громко всхлипывая и размазывая мокрые слезы по Сашиним щекам.

Он держал ее крепко и гладил по горячей коже, пока она не успокоилась. Ее хрупкое тело вздрагивало в его руках и прижималось все сильнее и сильнее. Когда она всхлипнула последний раз, Саша уложил ее в постель, но она не хотела отпускать его. Ее губы тыкались ему в шею, а жаркое

дыхание обжигало лицо. Он обнял ее под одеялом, почти голую и податливую. И она вздохнула всей грудью, отпустив тревогу и растворившись в нежности.
– Я люблю тебя, – повторяла и повторяла она.

* * *

Киев агонизировал несколько дней. Из-за черного дыма дни на Майдане и окружающих улицах превратились в ночь. Пепел ложился ровным слоем на дома, машины, белый снег. Веб-камера из центра города транслировала выжженную пустыню, черную дымящуюся воронку, в центре которой поднималась ввысь белая стела Независимости с фигуркой берегини наверху. Снайперы стреляли на поражение. Десятки мужчин уже были убиты, чуть позже их назовут «Небесной сотней», оплачат и возведут в ранг героев. Списки пропавших без вести и раненых ежедневно зачитывались на всех телеканалах. Боря был ранен в глаз резиновой пулей. Пока врачи не решались делать какие-либо прогнозы, сможет ли он вновь видеть. В операторов и журналистов целенаправленно стреляли: в глаз, в руку и по красному огоньку камеры, выводили их из строя. Пресса стала центральным персонажем событий. Средства массовой информации вдохновляли людей на борьбу против существующей власти или настраивали против революционеров. Одни каналы показывали протестующих как героев, другие утверждали, что воюют там

проплаченные Западом наемники и бездомные преступники. Российские пиарщики обзывали их «майдаунами», «майданутыми», и вся Россия видела в них фашистов и бандеровцев, предавших идеалы Великой Отечественной войны и славянского братства. Мол, продались они Америке, мечтающей выставить на территории Украины ракеты, нацеленные на РФ. Пресса стала главным орудием разжигания информационной войны не только между Россией и Украиной, но и между отдельными украинскими территориями. И пока еще киевляне смеялись, читая статьи в Интернете, листая ленту в Фейсбук, пытались спорить со своими знакомыми из Москвы, Донецка или Крыма, пока еще не предвидели, во что могут вылиться комментарии российских телеведущих к кровавым съемкам с Майдана Незалежности. Сейчас Киев был занят своим героическим противостоянием. Он обогревал, кормил и лечил воюющих, мечтал об уходе Януковича, стоял в пробках из-за закрытия метро, ежеминутно проверял обновления новостей и плакал, провожая каждого погибшего. Тысячи людей в едином порыве пели Гимн Украины на площади во время затишья – и становились на колени в молитве за настоящее и будущее страны.

Саша тоже прочувствовал этот эмоциональный подъем, сплотивший тысячи украинцев. Самоотверженность и жертвенность людей трогала до слез. Его коллеги несли свои деньги в помощь майдановцам. Богдана открыла банковский

счет и регулярно получала на него от своих друзей и подписчиков переводы, на которые покупала еду и лекарства. Киевские бабушки выхаживали в своих квартирах иногородних раненых. Так на фоне агрессии с особой силой вспыхнула человечность.

И тем неприятней было Саше получать звонки с родины. Мама плакала и просила его уехать с «этой Бендоровщины». А брат пересылал ролики с Ютуба, на которых юные нацисты шли маршем по Крещатику и кричали: «Москалей на ножи!»

– Дай-ка я посмотрю, – сказала Богдана. – Мне кажется, я знаю, откуда это видео. Год назад, прошлой зимой, футбольные фанаты Ультрас устраивали митинг в поддержку семьи Павличенко. Это громкое уголовное дело: отца и сына арестовали якобы за убийство судьи, который незаконно лишил их квартиры. Ультрас выступали за оправдание Павличенко. Это марш футбольных хулиганов по Крещатику. Помню, я тогда встретила с оравой этих подростков в метро. И – да, эта кучка фанатов – националисты, тогда они своим маршем шокировали Киев.

– Только преподносят это видео как снятое сейчас, будто это идут майдановцы со своими лозунгами.

– Так пишут, что на Майдане и чай с наркотиками раздавали,

– усмехнулась Богдана.

Видео было перезалито на Ютуб несколько раз с разными датами. И если покопаться, действительно, можно было

найти самый ранний источник годичной давности. Но кого это интересовало? В России все верили телевизору. А СМИ врало и выворачивало факты наизнанку. Один и тот же актер в той же самой больничной палате представлялся разным каналам то пострадавшим антимайдановцем, то немецким наемником-радикалом. Мария Ципко, которую прозвали «гастролершей», давала интервью российскому телевидению то, как мать беркутовца, то, как жительница «пророссийской» Одессы, а через несколько дней ее уже показывали уроженкой Севастополя, и она со слезами на глазах рассказывала о «зверствах фашистской хунты». Саша не встретил ни одного фашиста в Киеве. И ни разу за год жизни в Украине его никто не попрекнул в том, что он русский, что говорил по-русски, а не по-украински. Но российская пресса всю муссировала тему ущемления русскоязычного населения. На границу с Украиной подтягивались российские танки, а Сашин брат рвался спасать народ из «лап бендеровцев, которые при внешнем невмешательстве уничтожат тысячи людей». Единственное, чего боялся Саша, будучи русским, это ввода российских войск в Украину.

22 февраля президент Виктор Янукович, опасаясь расправы, бежал из страны. Он пытался вылететь из Донецка charterным рейсом, но самолету вылет не разрешили. Тогда он пересек Украину и тайно, через Симферополь, с помощью военных все же переправился в

Россию. Узнав об этом, Верховная Рада избрала исполняющего обязанности президента и назначила новые выборы в парламент на май.

На следующий день Богдана поехала со съемочной группой в КМДА. Народу на Майдане было много. Все было залито синими и желтыми цветами. У входа в здание стояли молодые люди и весело пели: «Янык здався без бою!».

– Е-е-е, камон! – громко подпела Богдана – и крикнула оператору: «Снимаем!».

В дверях показался мужчина среднего возраста в белом халате врача. Он утер ладонью пот со лба и, прищурившись, осмотрел площадь. Глаза, от усталости и бессонных ночей окруженные сеткой морщинок, улыбались.

– Как вас зовут, - спросила Богдана.

– Микола. Я хирург, работаю тут уже неделю.

Он достал из кармана халата пулю, которую только вчера вынул из бедра раненого.

– Решил оставить себе на память. Надеюсь, это была последняя пуля в моей практике. Слава Богу, все закончилось!

– А что с очками? – на веревочке на шее у Миколы висели очки с разбитыми стеклами. – Неужели вам тоже досталось?

– Не-е-т! – он засмеялся. - Когда мы узнали, что Янукович готов пойти в отставку, мы начали так обниматься, что у меня стекла повывлетали. Вот и с трещинами теперь.

– А какое у вас зрение?

Сразу после стрима Богдана зашла в оптику и купила новые очки. Она отправила группу на канал, а сама вернулась в КМДА. Микола уже осматривал раненого.

– Пожалуйста, возьмите, – протянула она ему очки.

– Ну что вы, не надо! – засмутился он.

– Прошу вас! Я хочу хоть как-то помочь человеку, спасшему не одну жизнь, – она молитвенно сложила руки.

Некоторое время врач еще краснел и отнекивался, но в конце концов принял подарок. Щурясь, он натянул очки на нос, посмотрел сквозь них вдаль, потом на свою руку и широко улыбнулся.

– Подошли.

Следующие несколько дней были объявлены днями траура. Киев скорбил о погибших на Майдане. Саша и Богдана выехали вечером в центр. Теперь площадь, на которой они несколько дней назад передвигались в дыму и под пулями, была завалена цветами и расцвечена огоньками тысяч лампадок. Розы, гвоздики, ромашки, тюльпаны, красные, белые, желтые – грудями в человеческий рост лежали у баррикад и у постамента стелы. По всему Майдану из цветов были выложены дорожки, по которым недавно передвигались бойцы. И если еще вчера площадь задыхалась в дыму, теперь она тонула в цветочном аромате. Казалось, столько цветов не было во всех магазинах Киева, их везли из окрестностей. Гости из других городов приехали оплакать героев. Люди зажигали маленькие лампадки и свечи и

молились за души погибших и за новую Украину. Матери и жены рыдали. Над всем этим звучал православный молебен, и звон колоколов величественно поднимался в чистое темное небо.

– Посмотри! – Богдана открыла на телефоне новости своего канала.

Репортер вел прямую трансляцию с Майдана, голос его время от времени прерывался от волнения, он отворачивался от камеры, немного успокаивался и продолжал рассказывать дальше: «Самое главное, – что в лицах людей уже нет безысходности. Люди впервые увидели надежду, она возникла перед ними в последнюю пару-тройку дней. Все настроены на мирный лад. Уже видны первые улыбки».

Саша и Богдана прошли ближе к сцене. Сбоку от нее активистами была установлена доска с фотографиями и именами погибших. «Душу и тело мы положим за нашу свободу...» – гласила аккуратно выведенная от руки надпись. Списки «Небесной сотни» еще уточнялись, не все фотографии были прикреплены.

– Смотри, это Харлей! – воскликнул Саша.

Бежевый лабрадор ретривер лежал напротив щита возле огромной кучи цветов.

– Харлей! Харлей! – Саша подбежал к нему. – Где Вася? Где твой хозяин?

Собака не двинулась с места, только повела огромными

грустными глазами. Все тело ее было обмякшим, как будто ее снова побили, и она не могла встать. Ноги проходили туда и сюда прямо перед носом пса, казалось, еще миллиметр, и они ударят его по морде. Но лабрадор не обращал внимания, он смотрел куда-то в пустоту перед собой, похудевший и потрепанный.

Богдана заплакала. На доске погибших висело Васино фото. Среди сотни других молодых и пожилых лиц он улыбался так же широко, как и в жизни, высоко обнажив верхнюю десну. Он выглядел гораздо моложе, чем в их последнюю встречу неделю назад. Ветерок трепал густую черную шевелюру, щеки и подбородок были гладко выбриты. Кто принес сюда это фото? Кто узнал его? В этом городе у него не было семьи и родных. Только собака, бывшая девушка и, может быть, Костя.

Саша обнял Богдану, они опустились на плиту возле Харлея. В мегафон начали поименно называть всех, отдавших свои жизни здесь, на Майдане, за свободу и демократию, за честность, за будущее страны без воров и бандитов. Произнесли и Васино имя. Харлей восторженно залаял. Женщина рядом испугалась и отбежала подальше. Затем лай стал тише. Лабрадор снова лег на землю и тихонько заскулил. У Саши защемило сердце, глаза увлажнились, он с силой сжал зубы, чтобы не разрыдаться. Огоньки тысяч свечей и лампадок расплылись перед его взглядом в колыхающееся море ярких разноцветных бликов.

– Давай заберем Харлея себе.

– Да, конечно, заберем! – тут же согласилась Богдана.

* * *

После окончания траура Богдана надела на голову веноч из ярких цветов, вышиванку и крупные красные бусы. Сегодня был день их свадьбы с Сашей. Жизнь потихоньку шла своим чередом. Только благодаря любви продолжалась человеческая цивилизация, восстанавливались города, звучал на улицах детский смех. Любовь снова побеждала смерть.

На одиннадцать утра назначена роспись в ЗАГСе. Богдана выбрала национальный украинский наряд, потому что за последние несколько месяцев вдруг остро почувствовала, как сильно любит свою Родину, как восхищается своим гордым народом. Переживания за страну сделали ее патриоткой, как и тысячи других украинцев.

Было тепло. Весна вступала в свои права. Слепящее солнце рассеяло тяжелые тучи, висевшие всю зиму над городом, и развеяло остатки черного дыма. Саша и Богдана проехали на такси мимо Майдана. Горожане убирали площадь: подбирали камни и сносили их в общую кучу, подметали мусор и отмывали от гар и копоты каменные плиты построек и постаментов. На общегородской субботник вышли и молодежь, и старики. Яркие весенние пальто и куртки раскрасили выжженный смертью Майдан; как

цветы, пробившиеся сквозь затоптанную землю, они утверждали: здесь будет жизнь! Богдана высунулась в окно: маленький мальчик, тащивший пробитый пулями дорожный знак, улыбнулся и помахал ей рукой.

– Привет, новый Киев! – закричала Богдана и помахала в ответ.

Церемония была скромной и быстрой. Саша и Богдана обменялись кольцами, поцеловались и выбежали на весеннюю улицу. Воздух дышал теплой влагой и предвестием скорого возрождения природы. Над головой свистели первые вернувшиеся птицы.

– Как здорово, что наша совместная жизнь начинается в новой стране! – сказала Богдана. – Мы будем очень счастливы!

– Мы будем счастливы всегда и везде, если будем вместе! – ответил Саша.

– А мы и не будем расставаться! Зачем нам это? – прозвенел в ответ ее голос-колокольчик.

И они побежали по лужам вниз по переулку, по скользкой брусчатке, между старыми домами древнего города, мимо открывающихся после революции магазинов и кафе. Дорога вывела их к Крещатику, а там – и к Майдану. И Богдана, заткнув за пояс подол юбки, взялась за метлу. А Саша принялся разбирать баррикады. Он перетаскивал мешки с песком вместе с украинскими парнями, чубатыми, с сине-желтыми и черно-красными ленточками на одежде. Солнце

припекало так, что пришлось скинуть куртку и завернуть рукава. На руке у Сашы оголились два переплетающихся орнамента татуировки, символизирующие для него русское и украинское.

Харлей лежал на том же месте, возле доски с фотографиями «Небесной сотни». Но сегодня, увидев Сашу и Богдану, он завилял хвостом. Богдана обняла его и погладила по обвисшей, грязной шерсти, поцеловала в нос. Он съел сосиску из ее рук. А вечером, тяжело переступая заиндевевшими, слабыми от голода ногами, он пошел за ними домой.

* * *

Часть 3

В начале марта поместье сбежавшего президента Януковича вернули в госсобственность и открыли для посетителей. Туда валом хлынул народ. Всем было интересно посмотреть на царское убранство дворца, огромный сад и зоопарк с экзотическими животными. Эту усадьбу тут же окрестили «музеем украинской коррупции» за то, что была куплена незаконным образом и, главное, за то, сколько миллионов ежедневно тратилось на ее содержание. Это действительно был дворец! Огромные залы украшены лепниной и позолотой, фресками и дорогими картинами. Широкая лестница, устеленная коврами, вела в королевские покои. Вычурные лифты спускали гостей в роскошный холл и

оснащенную современной техникой кухню. И все это утопало в блеске золота. Даже пресс для бумаг в кабинете Януковича представлял собой вылитый в натуральную величину «золотой батон». Потом этот батон, растиражированный СМИ, станет символом незаконного богатства и культурного безвкусица старой власти. Журналисты забавлялись, отдыхая на кровати экс-президента, роясь в его гардеробе, представляя, как он принимал джакузи и загорал в солярии. Люди ликовали, десятки тысяч посетителей в день скакали по пенькам, на которых Янукович сбрасывал вес, кормили его павлинов и искали легендарный «золотой унитаз».

А в это самое время на внеочередном заседании Российского Совета Федерации было принято решение о вводе российских войск на территорию украинского полуострова Крым с целью защитить русскоязычное население от «фашистской хунты», которая захватила власть в Киеве. Это было, как гром среди ясного неба. Украинцев как будто застали врасплох посреди свадебного пира. Киев притих в ожидании скорой войны с Россией. И снова каждые пять минут обновлялись новости в мобильных телефонах. «Что же происходит? Что там эти крымчане творят? Кого и от чего нужно защищать?» – спрашивали друг друга. Еще не успевшее сформироваться новое украинское правительство бездействовало. Ролики на Ютубе демонстрировали, как люди в черных масках и в военной форме захватывают

здания, как крымчане выходят на улицы с российскими флагами, а крымский «Беркут» получает русские паспорта. «Пожалуйста, не надо войны!» – умоляли Интернет-блогеры.

Россия хотела забрать Крым, крымчане устраивали митинги за присоединение к России. Родственники звонили Саше и рассказывали, что полуостров исторически принадлежит России. Были подняты амбарные книги, и по ним установлено, когда и при каких обстоятельствах Хрущев передал Крым Украине. И этот акт передачи объявили незаконным. Саша старался не спорить. Он лишь чувствовал, что со стороны РФ этот шаг в момент политической нестабильности в соседнем государстве и абсолютной недееспособности украинской армии был очень коварным, что в мире, где границы государств менялись десятки раз, односторонняя отмена соглашений создает страшный прецедент.

И еще больше накалялись отношения как между Россией и Украиной, так и внутри этих государств. Враждебные перепалки с взаимными оскорблениями заполнили соцсети. Родители и дети, лучшие друзья, любимые переставали разговаривать. Каждый хотел что-то доказать другому с помощью взятых из телевидения и газет пропагандистских лозунгов, бездоказательных размышлений псевдоспециалистов и придуманных пиарщиками оскорблений.

«У нас сейчас такой митинг на работе был, – писала Саше знакомая из Волгограда. – Собирали и рассказывали, как во Львове бандеровцы до полусмерти запытали руководителя отделения КПРФ. А по ТВ сейчас показали, как в Киеве на дверях квартир, где живут русские, вешают листовки: «Здесь живет москаль»... А ты совсем другое рассказываешь». Саша пытался объяснить, что украинцы дружелюбны, что это все раздутые единичные факты, а может быть, и сознательная провокация. Но ему никто не верил. И Саша, коренной россиянин, выросший на патриотических песнях и фильмах, на стихах русских поэтов, помнивший с детского сада: «С чего начинается Родина», вдруг осознал, что Родина может врать, осознанно и нагло. Причем обманывать миллионы своих же, обожающих ее граждан. Родина, которую никогда и ни за что нельзя предавать... Когда потеряно доверие в семье – люди обычно расходятся. Когда потеряно доверие к Родине, что делать? Киевляне не хотели верить, что Крым желает присоединиться к России. Они плакали над новостями об украинских военных, которые пели песни в ответ на угрозы «зеленых человечков». Читали, что Черноморский флот РФ блокировал корабли их страны и что был дан приказ не начинать огонь: в открытом военном конфликте у Украины не было шансов, ее бы просто раздавили. Украинцы чувствовали себя беззащитными школьниками рядом со старшеклассником-переростком. Опять начали гулять

старинные украинские поговорки: «Від чорта відхрестишся, а від москаля не відхрестишся, не відмолишся», «В России две проблемы – дураки и дороги, в Украине три – дураки, дороги и Россия».

– По Будапештскому меморандуму наша страна отказалась от ядерного оружия в обмен на гарантию ее территориальной целостности. Странами-гарантами были: США, Великобритания и Россия! Понимаешь, Россия! Богдана была в отчаянии.

– Они окрестили нас всех фашистами и бандеровцами, даже не разобравшись, - возмущалась она. – Мы «коричневая чума», потому что хотим европейское правовое государство и больше не хотим идти в ногу с Россией. Знаешь, как писал Ремарк: «Любой диктатор начинает свою деятельность с того, что упрощает все понятия». Из нас сделали пугало, обозвав одним словом, которое для всех славян, да и вообще для всего мира, означает самые бесчеловечные ужасы! А они молодцы! Хорошо у них маркетологи работают! Лучшие головы России!

Богдана плакала и злилась от обиды и бессилия. И когда ей неожиданно позвонил Костя, друг Васи, дизайнер, и предложил стать лицом новой серии футболок, она снова почувствовала, что может хоть что-то сделать, и со свойственной ей энергией схватилась за эту идею. Костя предложил ей сфотографироваться для принта в образе бандеровки, в украинской одежде черно-красных цветов.

– Я хочу посвятить это памяти моего друга. Его героическую смерть хотят сравнить с землей, – дрожал в трубке Костин голос. – Он не был ни фашистом, ни бандеровцем, но если надо было воспользоваться кулаком или послать кого-то на три буквы, он делал это, не боясь. Так что покажем фак этим ублюдкам-завоевателям!

– Раз уж вы называете нас бандеровцами, – нервно смеялась Богдана, – Тогда получайте! Мы станем бандеровцами! И она сфотографировалась. Кроме того, они с Костей нарисовали еще один принт – изображение Степана Бандеры, и тоже напечатали его на футболках. Богдана носила эти футболки и активно рекламировала в своих аккаунтах в Фейсбук и Вконтакте.

– Моя жена – экстремистка! – вздыхал Саша.

– Экстремисты – не мы! Экстремисты – те, кто вторгается на чужую территорию, вводит войска и незаконно устраивает референдумы!

– Но и око за око тоже не выход, Богдана, - увещевал ее Саша. – Ты провоцируешь, а они воспринимают всерьез.

– Да пусть воспринимают, как хотят! Куда уж дальше: рассказывать, что мы тут москалей на деревьях распинаем и чуть ли не заживо едим! Они сами провоцирую население России куда больше, чем я!

Назревала первая семейная ссора.

– Ты в своей горячке совсем не думаешь о последствиях! А завтра какой-нибудь идиот встретит тебя на улице в этой

футболке, а меня не будет рядом, а?

– Да и что мне теперь, – бояться их? – срывалась на крик Богдана.

Саша повернулся и вышел на балкон, чтоб успокоиться.

Город светился маленькими огоньками. В окне напротив кто-то курил, мелькая красным пятнышком в темноте.

Внизу у подъезда смеялась девушка. Все так же, как в любой мирной стране. Богдана тоже вышла на балкон.

– Может быть, ты и прав, и я действительно взбалмошная и импульсивная, – она обняла его сзади за талию и прижалась к плечу. – Не злись на меня.

– А я и не злюсь. Я волнуюсь.

– И не волнуйся.

– Ты мой самый близкий человек, как же я могу не бояться за тебя?

– А ты мой, самый близкий и родной, – и она счастливо засмеялась на весь двор переливчатым хрустальным смехом.

* * *

Богдана решила съездить в Крым. Она не верила новостям.

Ей нужно было лично убедиться, что крымчане предали страну, в которой родились. Саша не отпустил ее одну. Он взял отпуск на работе, и они поехали вместе.

На перешейке с континентом, под Джанкоем, поезд стоял уже шестой час. Они парились в плацкартном вагоне, пропахшем сыростью и старым постельным бельем. Замурованные окна

не пропускали свежий воздух. Выходить тоже не разрешалось: вот-вот ожидали российских пограничников. Оставалось только сидеть и слушать разговоры в своем и соседних купе.

– Нельзя нам воевать, – громко разглагольствовала бабка за тонкой стенкой. – Нельзя нам становиться сапогом на землю, заросшую травой!

– А гривна там еще ходит? – интересовался у нее молодой женский голос.

– А я смогу из Крыма с украинским гражданством вернуться? У меня девушка в Киеве... – волновался парень из Ялты.

В основном вагон был заполнен крымчанами. Они возвращались из столицы в родные города и поселки. Многие из них ехали радостно, с надеждой на будущее – «в Россию»! Задержка с таможей их не огорчала, они готовы были ждать хоть еще сутки.

– Что происходит? – шептала Богдана Саше. – Почему они хотят в Россию?

– Почему вы за Россию? – не выдержала она и спросила сидевшего рядом парня.

Он некоторое время молчал, подбирая слова.

– Потому что Россию все боятся, – наконец ответил парень и пожал плечами.

У Симферопольского вокзала в глаза бросилась надпись на бетонной ограде: «Бандеру вон из страны! Фашистов – на

кол!»

– Какая «бандера»? Они хоть бы приехали в столицу или западную Украину и посмотрели, кто там живет, пообщались. Хотя все понятно: они же тут смотрят российские каналы, – грустно сказала Богдана.

В Крыму было гораздо теплее. На газонах уже зеленела трава. Саша снял куртку. Богдана тоже расстегнула пальто и развязала шарф. Весенний ветерок мягко обволакивал прохладой. После долгой тяжелой зимы приятно было понежиться на солнце, несмотря на то, что поездка уже отдавала грустью. «Триколор» – кивнула Богдана Саше на большой плакат с бело-сине-красным флагом, встречающим приезжих. Не думал Саша, что будет когда-то не рад видеть флаг своей страны. Не мог предположить и то, что русские и украинцы станут врагами, поносящими друг друга, на чем свет стоит: кацапы, ватники, майдауны, укропы... А еще страшнее была гражданская война из старых книжек, которая уже становилась реальностью, где брат выходил на брата, а сын на отца. Услышь Саша это год назад – посмеялся бы, не поверил.

Они зашли в кафе перекусить. Забрались с ногами на пестрые диванчики, на которых положено сидеть по-турецки, заказали два чебурека с мясом и сыром.

Восемнадцатилетняя татарка с черными, гладко зализанными волосами принесла дымящееся блюдо.

– Как вкусно пахнет! – воскликнула Богдана. – Как тебя

зовут?

– Эльвира, – ответила она, опустив глаза.

– Эльвира, а ты сама чебуреки готовить умеешь?

– Да, конечно! Я же татарка!

Саша достал кошелек.

– Эльвира, у вас тут цены в рублях, – сказал он. – А у нас только гривны. Ими можно расплатиться?

– Можно. У нас очень многие клиенты приходят с гривнами. Приходится постоянно в рубли переводить – неудобно. Еще и рубль все время скачет. Но мы же теперь – Россия.

– А ты в России хочешь жить или в Украине?

– В Крыму. У нас тут все родственники, мы не хотим никуда переезжать.

Саша и Богдана узнали, что мама Эльвиры сдает жилье туристам. После обеда они поехали к ней. Их встретил беленький двухэтажный домик с полосатым навесом от солнца и с деревьями в кадках у входа. Зеленая деревянная дверь пристройки распахнулась, и оттуда вышла полноватая симпатичная женщина в бордовом спортивном костюме. Она приветливо улыбнулась.

– Здравствуйте!

– Здравствуйте! Сколько у вас номер стоит?

– Вообще четыреста, но сейчас могу отдать за двести.

– У нас есть только сто.

– Нет! Вы что! За сто ничего не снимете, – она секунду помедлила. – Вы откуда?

– Из Киева.

– Заезжайте! – махнула она рукой.

– А можно я с вами сфотографируюсь? – захлопала в ладоши Богдана.

Она вспорхнула с места, подбежала и обняла Диляру.

«Держитесь», – сказала та и крепко притянула ее за плечи.

– Никто из нас, крымских татар, не ходил на референдум, – говорила она, показывая комнату. – Зачем? Все до нас посчитано! Мы мирно с украинцами жили всю жизнь. А теперь что будет? Праздники нам отменяют... не пускают нашего председателя Мустафу Джемилева, великого человека!

В городе было много военных, «зеленых человечков», как их называли, – мужчин в форме защитного цвета без каких-либо опознавательных знаков. Они патрулировали улицы по двое, по трое, ездили в маршрутках. Российские ли это военные или местная самооборона – на взгляд определить было невозможно. Над головой, в ясном крымском небе, рядом с солнцем, совершали маневры десятки самолетов. Во всем остальном город казался мирным: так же прогуливались девушки с колясками, сидели на скамейках старушки, играли в песочнице дети.

Богдана присела на одну из лавочек рядом с пожилой женщиной.

– Здравствуйте! – вежливо начала она разговор. – Я первый раз в Симферополе. А вы коренная крымчанка?

– Да! – ответила та серьезно и по-хозяйски. – Город у нас красивый, древний. Посмотреть туристам много чего есть. Где вы были уже?

– Пока нигде.

– Тогда рекомендую вам Мраморную пещеру. Нигде в мире такую красоту вы больше не увидите! Можете тур взять, там и другие пещеры рядом есть. Все старинные, еще доисторические.

Бабушка говорила обстоятельно, с уважением, как советская школьная учительница.

– Как относитесь к присоединению к России? – поменяла тему Богдана.

– Да наконец-то! Хоть будем в великой стране жить, а не с бандюками-фашистами, - женщина как будто выдохнула и, перестав притворяться интеллигенткой, стала сама собой. – Что нам эта нищая Украина дала?

– Но ведь это ваша родина. А что плохого она вам сделала?

– Да бендера эта проклятая вся продалась Америке! – бабка перешла на повышенный тон. – Еще чуть-чуть и захватили б нас – и всех перерезали за русский язык. А я на другом не умею и не хочу говорить! На этом их западэнском кудахтанье! А вы, девушка, откуда, чего интересуетесь?

– Я из Киева.

– Не из тех ли, что на майданах стояли?

– Да, стояла.

– Пойдем, Богдана, не надо, – Саша взял ее за локоть.

– Так ты – бендеровка, разведчица приехала! Информацию выпытываешь! Пошла вон, шпионка! А еще на русском, притворяется со мной, как будто своя!

Саша схватил упирающуюся Богдану в охапку.

– Женщина, замолчите! Вы такую ахинею говорите!

– Это вы предательница! – кричала в ответ Богдана. – Из-за таких, как вы, страна разваливается!

– Сейчас тебя арестуют, фашистку!

Богдана долго не могла успокоиться. «Как можно так не любить свою родину?» – всю дорогу повторяла она. На глазах блестели слезы.

Перед сном они смотрели телевизор. Специально российские каналы, где повторяли одно и то же: преступная хунта захватила власть в Киеве, бендеровцы свирепствуют в стране, нацистской свастикой разрисованы все стены в столице. Корреспонденты брали интервью у женщин, которые рассказывали, что своими глазами видели, как зверски зарезали москаля. Телеведущий угрожал превратить Америку в радиоактивный пепел.

Саша встал и молча выключил телевизор. Его физически тошнило.

– Пожалуйста! Давай посмотрим еще! – попросила Богдана.

– Побереги свои нервы. От этого можно сойти с ума.

Они выпили теплого чаю.

– Если бы Вася знал, как, в конце концов, все интерпретируют, – Богдана заплакала.

– Украина проиграла информационную войну. К сожалению, это факт.

Ночью Богдана вздрагивала во сне. Каждые пятнадцать-двадцать секунд по ее телу пробегала судорога. Саша не мог заснуть. Он лежал и отсчитывал секунды между ее вздрагиваниями.

* * *

– Боря, привет! А вы еще устраиваете встречи по средам? – Богдана не виделась с Борей и Светой с января.

– Нет, но вы можете прийти, – голос его в трубке прозвучал глухо.

– Хорошо, тогда мы забежим вечерком к вам!

– Ну не к вам, а ко мне, – ответил он в тот момент, когда Богдана уже нажимала отбой.

«Что он имел в виду? – подумала она, – Светка куда-то уехала?» Но перезванивать не стала.

Вечером Боря открыл не сразу. Пришлось набирать его на мобильный телефон. Послышался шорох, грохот, долгое копошение, и дверь открылась. Боря стоял в проеме взлохмаченный, щурился, как будто только что проснулся. На глазу все еще лежала повязка.

– Привет, брат! Чего не открывал так долго? Спал что ли?

– Пытался немного прибраться, у меня тут бардак, – на Сашу и Богдану пахло алкоголем.

В квартире действительно было грязно. В глаза бросался

толстый слой пыли, она была на полу, на полках, компьютере, телевизоре; под ногами хрустел песок, занесенный ботинками с улицы; как попало валялась одежда. Даже картины на стене, казалось, висели криво. На кухне из мойки торчала немытая посуда, будто страшный монстр пытался выползти из канализации. Все это выглядело угнетающе.

– А где Света? – спросила Богдана.

Боря открыл форточку и закурил.

– Ушла, – он попытался принять шуточный тон. – Бросила меня, обозвала дебилем и идиотом. И больше здесь не-живет.

В долгой неловкой паузе Боре опять стало тяжело дышать и засвербело в районе переносицы. Он собрал все силы, чтобы сдержаться.

– Но почему? – растерянно произнесла Богдана.

Саша понимал происходящее еще меньше. Он помнил, что два месяца назад Боря пытался уйти, даже собрал свои вещи. Но Света его тогда удержала.

– Почему? – Боря глубоко затянулся. – Из-за политических разногласий. Ха! Поехала домой в Крым менять украинский паспорт на российский. Теперь она россиянка! А я ей сказал, что ненавижу Путина за то, что он сделал с нашей страной. Всей душой ненавижу его, захватчика, Гитлера, теперь еще и за то, что разрушил мою семью.

На последней фразе голос его дрогнул, и он закрыл глаза

руками.

– Боря! – Богдана тронула его за плечо. – Да это глупости все какие-то. Я ей сейчас позвоню – и все улажу! Это вы вспыхнули, наверное! Подожди две минутки – сейчас все будет нормально!

Она достала из кармана телефон и начала набирать номер.

– Богдана, не надо! – Боря схватил ее за руку. – Ты не понимаешь! Мы не можем общаться, мы не можем больше жить вместе! Я бешусь от каждой ее фразы про Украину и Майдан, а она бесится, когда только видит меня!

– Так не говорите об этом!

– Это невозможно. Понимаешь, даже когда молчим, оно же внутри бурлит. Смотрит на меня, сжав губы, а в глазах ненависть. Я аж боюсь ее в такие моменты. Как будто убить меня готова!

– Богдана, давай лучше чайник поставим. Борь, кофе есть? – когда Богдана отвернулась, Саша крепко обнял брата.

Феномен гражданской войны необъясним с точки зрения законов жизни.

Почему любящие люди вдруг начинают ненавидеть друг друга из-за Путина, Януковича, Бандеры – персон далеких от них, не имеющих к их личной жизни никакого отношения?

Семья счастливо живет своей маленькой ячейкой, а потом – бах! – и доказать виновность или невиновность какого-то политика становится гораздо важнее собственного счастья.

Ведь это идет наперекор человеческой природе, здоровому

эгоизму, не говоря уже о чувствах любви и дружбы. Они сидели на кухне в густых сумерках. Кофе дымился в чашках, но аппетита не было. Боря достал бутылку виски и налил себе, разбавил водой. Разговаривать было сложно, пытались переключиться на работу, друзей, – но ничего не выходило. Боря не мог забыть, что жена ушла от него, что он одинок и несчастен. Обида душила его.

– Почему Россия присвоила себе право лезть в чужие дела, в чужую страну своими загребущими руками? Пришли в наш дом с оружием, а потом называют себя братьями! Отобрали у нас наши земли и еще назвали фашистами! Да это у них фашистский режим, ненавидят всех: евреев, украинцев, кавказцев, американцев. Права слова нет, независимой прессы почти нет, митинги проводить нельзя, референдумы тут же после Крыма запретили, даже за интернет-дискуссии уже сажают! У них нацистов в стране гораздо больше, чем у нас! Опять Россия развязала холодную войну со всем миром. Америка их хочет захватить! Вечный миф, чтоб оправдать свою агрессию.

– В России все мы выросли на идее заговора Америки против нас.

– Саш, ты ж понимаешь, что я не против русских? Я против идеологов, которые навязали им все это, против правительства, которое прикрываясь обманом, нападает на соседние страны. А обычные люди виноваты только в том, что смотрят телек и верят всему, что там говорят. Да просто

не знают они другой жизни, не знают свободы.

Стабильность им дали, вшивую дешевенькую стабильность!
Ватники!

Боря выругался известной матерной кричалкой про Путина.

Богдана кивала головой, в голову ей пришла какая-то идея.

– Нам нужно выразить наше мнение, - возбужденно сказала она. – Донести его до мировой общественности! Давайте пойдём под российское посольство. Я напишу плакаты!

Например: «Любим русских, ненавидим Путина!» Или: «Позаботься лучше о России!» Абсолютно мирный митинг, Саш! Ты, кстати, можешь выйти с плакатом: «Путин, я русский, защити меня от себя!»

– Чтобы митинг действительно получился мирным, нужны плакаты типа: «Стоп войне!» Или: «Русские, не идите на войну против братьев!»

– Да хоть небесные фонарики с надписью: «За мирное небо!»,

– запустим! Боря, ты с нами?

– Конечно!

* * *

С акцией у Российского посольства в Киеве их опередили. 14 июня десятки разгневанных украинцев забросали здание зеленой и яйцами. Под звуки украинского гимна перевернули припаркованные вокруг посольства автомобили, сорвали российский флаг и исписали стены матами. Назвали Путина Гитлером и нарисовали на воротах

свастики, желая сказать тем самым, что это посольство фашистской России. Эту свастику тут же показали в российских СМИ с комментариями: «Украинские фашисты напали на здание посольства РФ». Агрессия киевлян тут же была направлена против них. Акцию осудило большинство стран.

Поводом для погромов послужили военные действия на востоке страны. Луганская и Донецкая области, возглавляемые российским военным, офицером ФСБ Гиркиным, захотели отделиться от Украины. Накануне, в ночь с 13 на 14 июня, на этой территории ополченцами был сбит самолет с сорока девятью украинскими десантниками. Все погибли. Противостояние перешло в открытый вооруженный конфликт, который разжигался и подпитывался огромным мощным соседом – Россией. Вечно смеющиеся украинцы, не унывавшие во время Евромайдана, хохотавшие от души при заявлениях Януковича из Ростова-на-Дону, что он «живой и легитимный», без единого выстрела отдавшие Крым, теперь крепко сжали губы и ощерились. Они почернели от горя, заросли щетиной и злостью в глазах. На востоке шла настоящая война, – и убитых было уже больше сотни.

Как такое могло случиться? Страна развалилась на глазах за несколько месяцев.

– Понимаешь ли, Запад и Восток Украины имеют разную историю. Западные регионы вплоть до двадцатого века

входили в состав Австро-Венгерской империи, а восточные – в состав Российской. Вот они до сих пор и тянут страну в разные стороны.

– Двуполярная Украина в 2014 сделала мир снова двуполярным...

– Главное, чтоб она не стала Польшей 39-го.

Кухонные разговоры о политике значительно помолодели. В офисах, в транспорте, в кафе, в Интернете – все стали политологами и военными экспертами. Доказывали и объясняли друг другу, строили прогнозы, спорили.

Украина радовалась статьям о скором падении путинской власти, санкциям против России, отслеживала каждое слово поддержки от голливудских звезд. Может быть, кто-то поможет? Может, кто-то остановит Соседа и даст Украине передохнуть, собраться с силами и наладить жизнь у себя дома самостоятельно? Самим разобраться с родными украинскими ополченцами-сепаратистами, без «помощи» и науськиваний «российского брата». Мы ведь «незалежны»! Мы мечтали о независимости со времен Владимира Мономаха! А теперь на двадцать третьем году самостоятельной жизни нас снова просят забыть о своей свободе...

Богдана вернулась с работы поздно. Ее проект с модой давно уже закрылся, как и большинство развлекательных программ на канале. С утра до вечера шли новости и политические дискуссии. Теперь она готовила репортажи о

простых людях разных профессий, их жизни и мыслях. Познакомилась с отцом семерых детей, который бесплатно переводил новости для Европы и США; с кузнецом, который в свободное время выковывал украшения для своей жены. Врач показывал Богдане свои рисунки акварелью, токарь читал стихи собственного сочинения. И все они говорили одно: «Мы хотим жить в мирной стране!» На звук открывающейся двери из кухни вышел Саша и поцеловал Богдану.

– Прости, что так поздно, – она повисла у него на шее. – Все жду, когда тебе надоест, и ты выгонишь меня из дому.

– Не говори глупостей, – он взял у нее сумку.

На столе стоял приготовленный ужин, в вазе – букет разноцветных ромашек. Дверь на балкон была распахнута настежь, оттуда пахло летним вечером, и слышалось стрекотание сверчков.

– Спасибо! Ты самый-самый лучший! – расцеловывала она Сашины щеки.

Затем присела на стул и, выхватив пальцами маслину из салата, быстро засунула ее в рот.

– Богдана! – Саша засмеялся. – Подожди, сейчас вилку дам.

– Так есть хочется, ты себе не представляешь! С утра – как гончая собака, маковой росинки во рту не было!

Богдана набросилась на салат с картофельным пюре так, будто вкусней ничего в жизни не пробовала. Саша смотрел на нее.

– Я нашел прекрасное вино: “Castello del Poggio». Попробуй!

– он налил ей в бокал.

Богдана отпила глоток.

– Сладкое! Такое вкусное, как сидро в детстве! – она засмеялась.

Он тоже выпил.

– Богдана, мне надо съездить в Россию. Подошло время пересекать границу. И штамп о браке надо в паспорт поставить, а то, получается, что я до сих пор не женат, официально. Надо было в течение месяца появиться в паспортном столе, а уже три прошло...

Богдана отложила вилку.

– Тебе придется ехать через восток Украины?

– Ты не волнуйся...

– Я с тобой!

– Со мной? Нет! Это исключено! Ты останешься в Киеве.

– Камон, Саша!

– Богдана, ты с ума сошла – там война!

– А ты тогда как туда поедешь?

– Поезд идет по территории, где не воюют. Но тебе я не могу позволить так рисковать!

– Но я же с тобой буду!

– Тебе интересно посмотреть на войну?

– Да.

– Богдана, окончательное – нет!

Она разочарованно вздохнула. Саша налил еще вина.

– Давай выпьем за то, чтоб я побыстрее порешал в Волгограде все дела – и вернулся.

Богдана промолчала, еле заметно кивнув головой. Они чокнулись бокалами.

Саша выехал в Волгоград на следующий день. Последний вечер они валялись на диване, смотрели фильмы, потом занимались любовью. Черные волосы Богданы пахли душистой луговой травой. Они лежали на подушке густой копной, и Саша зарылся в них лицом. Прохладной ладонью Богдана ласково водила по его спине – от лопаток к пояснице. Уезжать совсем не хотелось, но Саша понимал, что останься он здесь еще на чуть-чуть, – и его депортируют. Он бы никогда не покинул ее, так бы и прижимался к ее теплому бедру и вдыхал запах ее волос, слушал ее звонкий смех, милую болтовню, чувствовал, как летний ветерок из открытого окна сдувает жар с его кожи. Это было его счастье: ждать, что вот сейчас она начнет путаться в словах, потом замолчит, повернется на правый бок, а через минуту крепко заснет. И тогда он обнимет ее и тоже заснет рядом. Летней душной ночью под стук колес Саша пересек границу после долгих тщательных проверок. Не прошло и суток, а он уже скучал по Богдане. Темнота лепила ее образ рядом, в легком сквозняке было ее дыхание. Два дня. Два дня он пробудет в Волгограде, – и скорее назад, в Киев! Он смотрел в потолок вагона, черные тени бежали и бежали по нему бесконечно. Он проваливался в дрему, просыпался,

открывал глаза, и видел все ту же зыбкую тьму. Поезд как будто выпал из времени. Шли часы, месяцы, годы – а черные тени продолжали бежать. Поезд летел в пустоту, и, казалось, день никогда не наступит, поезду не суждено остановиться.

* * *

С легким рюкзаком за спиной, где лежали только ноутбук и смена белья, Саша шагал знакомыми с детства улицами. Вот его дом и старая площадка, где они с братом и соседскими мальчишками играли в казаки-разбойники, и беседка, где они позже, прячась от мамы, пили пиво. Теперь все уже казалось обветшалым и маленьким. Многое изменилось. Он переехал в Киев и женился, а брат успел развестись. Саша знал о разводе от мамы, Леша на эту тему никогда не разговаривал. Отношения братьев стали разлаживаться в подростковом возрасте, когда вдруг выяснилось, что у них разные отцы. Мама родила Сашу не от мужа. Это и было причиной постоянных родительских ссор. Тогда Саша ушел в учебу, а Лешу затащила улица. Он часто приходил домой поздно и пьяным, дрался, попадал в милицию. Саша думал, что брат винил его во многих семейных и собственных проблемах. Несколько раз он пытался переломить эту ситуацию и снова подружиться, но отчужденность между ними только росла. Отчима Саша всегда считал своим отцом, несмотря на то, что тот относился к нему достаточно холодно, хотя никогда не бил и не наказывал. И только мама металась между ними

всеми, как загнанный зверь, стараясь угодить каждому.

Он зашел домой. Пахло пирогами: мама ждала, готовилась к его приезду.

– Кто дома? Я приехал! – крикнул Саша.

Мама выбежала из кухни, на ходу снимая фартук и поправляя волосы.

– Ты уже здесь! – она принялась с чувством его обнимать. – Сейчас обед будет готов! Похудел что ли? У вас там хоть есть что есть? Передают – магазины пустые, люди в очередях стоят.

– Мам, все у нас там есть. Так же, как и здесь, супермаркеты ломаются, – он улыбнулся и поцеловал ее в щеку.

– Ой, я не знаю... Давай хоть круп тебе сложу в обратную дорогу.

– Ничего не надо. Пойдем на кухню, покажешь мне, что ты печешь!

– Изголодался там... Тапки вот обуи.

– Мам, я босиком, мне жарко!

В духовке румянился пирог с вишнями. Белые занавески на окне легонько колыхались. На подоконнике цвела фиалка, и еще какие-то отростки пускали корешки в стаканах. Все так же, как перед отъездом. Только мама суетилась и волновалась больше.

– Мамуля, как ты живешь?

– Да как живу, волнениями. То за Лешу, то за тебя. Но Леша хоть на глазах, а ты вот уехал – да в неудачное время.

Саша крепко обнял маму.

– Ну почему же неудачное? Очень даже удачное – я встретил самую лучшую девушку.

– Ой, родной... Ну пойдем, хоть фотографии ее покажешь, а то ты пересылал, а я открыть не сумела.

Вечером приехал брат. Ввалился в дом, громко топая тяжелыми ботинками. От его вида Саше стало не по себе.

Брат изменился: обрюзгли и обвисли щеки, нахмурились брови, образовав глубокую морщину на переносице, глаза больше не смотрели открыто и прямо. Сердце Саши сдавило тяжелое предчувствие. Они поздоровались и обнялись.

– Леш, как дела? Как работа?

– Да нормально, – буркнул он, разуваясь. – А тебе мать не сказала?

– Что именно? – аккуратно спросил Саша.

– Что у меня работы больше нет.

– Нет, я не знал.

Леша шмыгнул носом.

– При разводе отдал ей бизнес. Пусть теперь как хочет там.

– А ты?

– А я? Еду хохлов бить, – оскалился он.

– Что?

– Мир в Новороссии устанавливать, а то бендеры никак не успокоятся, мирное население начали уже расстреливать.

– Леш, ты не понимаешь, что там происходит, – у Саши задрожал голос. – Какие еще «бендеры»?

– Да такие!

– Украина просто хочет сохранить границы своего государства, удержать территорию, чтоб она по кускам не развалилась. Сепаратисты хотят отделиться... Ну представь: в России бы Сибирь вдруг подняла флаг Китая, а свой триколор растоптала...

– Я не понял, ты бендеровец, что ли? Поддерживаешь фашизм на Украине, – Леша набрал слюну, чтобы плюнуть, но, вспомнив, что находится в квартире, со злостью проглотил. – Я смотрю, у тебя, где кормят – там и родина! Украинцы, значит, хорошие, а русские плохие?

– И те и другие очень хорошие.

Обстановка накалялась.

– Ну подождите, подождите! – мама встала между ними, как в детстве. – Давайте без эмоций, оскорблений, – просто поговорим. Саша, мы, может, чего-то не знаем, не понимаем, расскажи нам.

Они прошли на кухню и сели за стол. Саша не знал, с чего начать.

– В Киеве произошла революция, убрали президента-вора, хотели, чтоб в стране правил закон, а не...

– Ага, за американские бублики продались! – вставил Леша.

– Помолчи, – остановила его мама. – Саша, но ведь кровь пролили, бендеровскими флагами махали, свастики рисовали!

– Вон Лукашенко – молодец! – взвился опять Леша. –

Попытались у него там что-то вякать – раз пресек, и в стране – тишина, мир, спокойствие! Я ездил туда к другу по делам, так они теперь развиваются, знаешь как! Уровень жизни подняли! Кому нужны эти на хрен революции? Только Америке, чтоб мы, славяне, перегрызлись между собой.

– Мам, – Саша теперь обращался только к ней. Говорить с Лешей было бесполезно. – Но ты же понимаешь, что это, как при Сталине? Все сидят по домам и боятся. А где демократия, за которую боролись, свобода слова, мысли? – Да, как при Сталине, – отвечала мама. – Но зато мы живем хорошо. У нас нет разброда и шатания, как в Украине. Есть стабильность.

– Ну хорошо, пусть Россия живет в стабильности. Но зачем провоцировать конфликты в Украине? Зачем поставлять туда военную технику? Зачем такие, как Леша, едут туда воевать? Эта другая страна! Мы не имеем права!

– Да потому что, если сегодня мы неотреагируем, – завтра Европа и Америка нацелят на нас ракеты из твоего Киева! – закричал Леша. – Да если бы, например, на мой бизнес кто-то задумал покушаться! Да я бы взял берданку – и вышел ему навстречу, чтоб его ноги на моей территории даже не было!

– Леш, – Сашу уже всего колотило. – Знаешь, в украинцев сейчас стреляют на их территории, их границы обложили русскими танками. Но ни у кого из них я не видел такой

агрессии, как у тебя! Тебя никто пальцем не тронул и даже не угрожал – а ты уже готов убивать!

Они оба вскочили из-за стола, глядя друг другу в глаза. Во взглядах читалось, что теперь они враги. Леша был выше и крупнее Саши. И гораздо злее. Когда встала мама, оба развернулись и, сжимая зубы, разошлись в разные стороны. Саша ушел в свою бывшую комнату, теперь там жила мама. «Успокойся! – говорил себе Саша. – Агрессия, вспыхнув однажды, разрастается, как снежный ком. Стоит только позволить себе, поддаться на провокацию – и ее уже не остановить! Одна вспышка агрессии привела к краху целой страны. Даже больше: мы уже на пороге новой глобальной войны. И я не знаю, что ее может предотвратить». Он поднял глаза и посмотрел вверх, сквозь потолок.

В комнату зашла мама.

– Сашенька, – ласково начала она. – Ты лучше ни с кем не говори на эту тему. Молчи! Это ни к чему. А то еще придут, арестуют.

– Мам, но ведь так не должно быть! Куда мы катимся?

– И с Богданой своей, когда по телефону будешь разговаривать, тоже не надо это обсуждать. Я прошу тебя! Ты еще такой молодой!

Он сел на кровать и в отчаянии закрыл лицо руками.

– Саша, – шептала мама. – Ты еще не понимаешь, насколько все серьезно. На границе с Украиной уже всем сказали собрать необходимые вещи и подготовить документы для

быстрой эвакуации. А ночами за городом идут эшелоны танков и БТР.

* * *

Встав в пять утра, Саша отстоял многочасовую очередь в паспортный стол. К обеду он заплатил штраф и поставил штамп о браке. Выйдя, наконец, из душных узких коридоров на улицу, он оказался на солнцепеке. Лучи, тяжело падая на голову, растекались зноем по плечам, рукам, залазили жаром под футболку. Раскаленный, как из печи, ветерок, обжигал тело. Желание пройтись до вокзала пешком пропало само собой. Он поймал такси.

– К жд-вокзалу, пожалуйста.

Таксист лениво назвал сумму, Саша сел в машину.

Кондиционер в машине работал слабо и не справлялся с жарой. Саша позвонил Богдане.

– Привет! Ну вот теперь можешь меня поздравить – я официально женат!

– Ха-ха, трехмесячная отсрочка закончилась? Конец свободе!

– услышал он ее смех.

– Придется обновлять статус в Фейсбук.

– Называть меня супруга и дорогая...

– А тебе меня «мой котик»!

– Как ты там, любимый? Когда вернешься?

– Еду на вокзал за билетом, завтра выезжаю. Жара стоит нереальная.

– А я начала читать «Триумфальную арку».

– Интересно?

– Да, очень.

На перекрестке такси остановилось на светофоре. Мимо по главной дороге колонной проходили грузовики, затянутые брезентом защитной раскраски, и два БТР. «Значит, правда», – подумал Саша. Богдане он ничего не сказал. Колонна проехала медленно и важно, совсем не вписываясь в картину города, как будто это заблудившиеся во времени солдаты Великой Отечественной вдруг появились на современной улице.

В железнодорожной кассе женщина не хотела продавать Саше билет.

– Вас все равно не впустят.

– Почему?

– Въезд российских мужчин от 16 до 60 на Украину закрыт.

Саша вытер пот со лба.

– У меня есть все документы: приглашение на официальную работу... и еще: у меня там жена.

– Ну не знаю, попробуйте. Но имейте в виду – могут ссадить!

– Хорошо. Давайте билет.

В это время Богдана сидела на работе, под кондиционером, и в перерыве между съемкой и монтажом тихонько читала книгу. Читала и не могла оторваться:

«– Что нового в мире, Равик?»

– Ничего нового, Кэт. Мир неумолимо готовится к самоубийству, но ни за что не хочет признаться себе в этом. Все знают, что будет война. Неизвестно только когда. Все ждут чуда. – Равик усмехнулся. – Никогда еще во Франции и Англии не было так много государственных деятелей, верящих в чудеса!»

«Почитаю Саше, когда он приедет, – думала Богдана. – Неужели то, о чем говорят все вокруг, может случиться? Неужели предостережения за семьдесят лет устарели, и нам, знающим все об этих ужасах, придется пережить их снова?» Сашу высадили на границе поздно вечером. Разговор с украинскими таможенниками длился более получаса, все доводы разбивались о глухую стену. «Въезд запрещен! Откуда мы можем знать, что вы не террорист?» Он сидел на деревянной скамейке возле маленького провинциального здания вокзала. От невозможности что-либо изменить хотелось кричать. Саша сдерживался. «Как быстро и как далеко все зашло, – думал он. – Братские народы закрыли границы, родные братья перестали разговаривать друг с другом. Нам рассказали, кого и как нужно ненавидеть. И люди тут же забыли о кровном родстве, о здравом смысле, об уроках истории. Ненависть так быстро поселилась в сердцах, как будто ненавидеть – самое естественное для человека состояние».

– Дождись меня, – говорил он Богдане. – Все очень скоро закончится, и я вернусь.

– Не скоро, – думала Богдана. – Не закончится. Все только начинается.

– Я попробую в другом месте, через другую границу, через Белоруссию.

– А разве там по-другому?

– Я придумаю что-то.

– Я только обрела мужа и снова потеряла...

– Не потеряла, я с тобой, мы очень скоро будем вместе!

Богдана не ложилась спать. Она собирала вещи. В большой чемодан она складывала свою и Сашину одежду: летние рубашки и платья, осенние кофты и свитера. Неизвестно, сколько месяцев продлится конфликт, все это время им придется жить там, в России. Она будет смотреть оттуда, с вражеской территории, как сжигают и убивают ее родину. «Ничего! До этого не дойдет, – думала она. – Это мои женские страхи и фантазии. Все будет хорошо, и мы скоро вернемся вместе!» Она металась по квартире. Харлей настороженно смотрел умными глазами, снова предчувствуя потерю. Чемодан был слишком мал, чтобы вместить их любимые вещи. Книжки, нарисованные ею картины... «Мы скоро вернемся», – говорила она им. Богдана пила крепкий кофе и писала письмо начальству. В ту ночь она так и не легла. Утром сходила в душ, еще раз проверила паспорт и написала Саше смс:

– Выезжаю к тебе, любимый! Скоро будем вместе!

* * *

Утром Богдана отвезла Харлея Косте. Всю дорогу Харлей тихонько скулил и терся мордой о ее ладошки.

– Прости, что я уезжаю, – шептала ему на ухо Богдана. – Ты самый лучший пес на свете. Это не из-за тебя. Я очень не хочу тебя оставлять. Просто мне сейчас нужно ехать к Саше, понимаешь? Я его люблю. И тебя люблю, очень-очень. И мы скоро приедем, опять обнимем тебя и будем играть.

Собака смотрела ей прямо в глаза.

– А сейчас ты побудешь с Костей. Ты же помнишь его? Он очень хороший! Только если он будет тебе всякую гадость предлагать пить – не пей, пожалуйста!

Она крепко обняла собаку, та вырвалась и начала облизывать ей лицо.

– Ой-ой, не надо, перестань так делать, малыш! – она рассмеялась.

Прямого поезда Киев – Волгоград не было. Был маршрут через Краснодар. Но на нем в дороге терялся почти целый день. Гораздо быстрее было доехать до границы с Россией и там пересесть на автобус. Самым удобным местом для этого был Луганск. Вот только сейчас на территории Луганска велись военные действия.

Однако война не пугала Богдану. Как раз – наоборот, ей очень хотелось побывать в горячей точке! Еще в университете она представляла, как будет выходить на связь с полей сражений, вести он-лайн трансляции из захваченных

террористами зданий. Побывать в Луганске сейчас было мечтой каждого амбициозного журналиста, – и Богданы в том числе. Раз поезда туда ходили, а мирное население оставалось, значит, не стоило поддаваться истерике. На всякий случай Богдана взяла с собой удостоверение журналиста.

Духота в поезде стояла невыносимая, народу было совсем мало. Под мерный стук колес Богдана пыталась читать книгу. Но сосредоточиться не удавалось. С одной стороны на телефон сыпались смс-ки от Саши с просьбами остаться в Киеве; с другой – пара подростков у окна напротив болтали без умолку.

– Слушай, а если бы прилетели инопланетяне и сказали, что они с добрыми намерениями, ты бы им поверил?

– Ну не знаю, может, и поверил.

– То есть ты бы ходил, поддерживал их на митингах, голосовал бы за них?

– Странно как-то, не знаю.

– Они бы организовали свою ИНР у нас на планете, объявили бы себя независимыми...

Богдана решила выйти в тамбур, чтоб подышать свежим воздухом. Простыня и подушка под ней были уже мокрыми от пота. В тамбуре от ветерка становилось легче. Зашли двое мужчин за пятьдесят, достали бутылку водки и начали разливать по стаканам.

– Ты зачем едешь? – спросил один другого.

– Да за тещей, в Киев надо забрать. Сама инвалид – не может.
• А я семью уже перевез, еду кое-какие дела уладить. Бизнес у меня там был. Ресторан. Всю жизнь в него вгροхал, а теперь вот закрыл. Карпы золотые в аквариуме плавают, что теперь с ними делать, подохнут... Да и разграбят...

– Ладно, давай чокнемся!

– Ну что, нехай сдохнут эти толерасты-сепарасты, не видать им секса до самой смерти! Будьмо!

Они залпом опрокинули стаканы.

Ночью на границе с Луганской областью поезд остановили. Проверяли, как на таможне с другим государством. Богдана в окно видела, как трех парней высадили из вагона и куда-то повели. Все трое из-за жары были без футболок, играли накаченными мускулами. Наверное, вид их натренированных тел и заинтересовал людей в форме. Богдана проводила их взглядом, пока они не скрылись в темноте.

Под утро ее разбудили разговоры все тех же подростков.

– Вон там, смотри, видишь: дым стоит! – возбужденно говорил один другому.

Они прилипли носами к окну. Вдалеке слышался грохот. Это были не одиночные выстрелы или хлопки взрывчатки, как на Майдане. Рокотало непрерывно, как пушечная канонада. Богдана встала посмотреть. Черная завеса застилала горизонт. Серый дым над ней клубами поднимался в небо.

Вокзал Луганска был заполнен военными. Богдана понимала,

что они не настоящие военные, точнее, не украинские служащие, а переодетые местные повстанцы и заезжие казачки. Ей очень хотелось поговорить с кем-то из ополченцев, услышать их аргументы, почему они взяли в руки оружие и пошли воевать. Но так просто подойти к этим парням в форме она не решалась. Стуча колесиками чемодана по выщербленному асфальту, она направилась в центр. Людей в городе было мало, как будто в выходной после большого народного гулянья, когда все отдыхают от бурной ночи, и только некоторые нехотя выбегают в магазин. Вон идут две женщины с тяжелыми сумками, пожилой мужчина – и снова люди в камуфляже. У некоторых прохожих на груди приколоты георгиевские ленточки. Богдана шла по серому городу советской постройки, пока не увидела странное оживление возле большого белого здания. Это было какое-то административное сооружение с колоннами и множеством окон. На площади перед ним копошились мужчины в тельняшках, спортивных кофтах, выгружали свежие доски. Богдана направилась к ним. Когда она подошла ближе, то поняла, что это не доски, а десятки новеньких деревянных гробов. Их ловко складывали один на другой днищем кверху. Богдана посчитала, что в одной стопке их было десять, а таких стопок было уже семь, и гробы продолжали и продолжали выгружать.

– Девушка, что вы здесь делаете? – окликнул ее водитель машины.

– Здравствуйте! – Богдана попыталась улыбнуться. – Мне нужно уехать в Россию. Может, есть какие-то маршруты или коридоры для беженцев? Можете ли вы помочь?

– Коридоров никаких нету. Доезжаете до границы с Ростовской областью и там спокойно переходите.

Он объяснил ей, в какую сторону надо идти.

– Ходят автобусы до Ростова и до Должанского, но редко. Легче поймать попутку – сейчас туда многие едут.

Богдана еще раз окинула взглядом «ритуальный груз».

Мужчины уже равнодушно курили в стороне. Ей показалось, что в воздухе витает ядовитый запах гниения и разложения. Стало не по себе, – и она поскорее пошла в сторону остановки.

Богдану посадили к себе двое мужчин на уазике. На заднем сидении дремала женщина, обняв огромный пакет.

Рассказывать о себе, откуда и кто она, Богдана не стала.

Пусть думают, что такая же беженка из Луганска. Так было меньше проблем. Тем более, мужчины вели такой разговор:

– Было обидно в девяносто первом году, когда нас никто не спросил, где мы хотим жить... А мы и вы, – мы русские! – говорил сидящий рядом с водителем.

– А сейчас пятая колонна захватывает власть, а Путин, которого мы все уважаем и чтим, просто ничего не может сделать, к сожалению, – водитель горько вздохнул. – У него руки связаны. На кого работает Центробанк?

– Ну понятно, евро-нацистские ценности...

– Ну да!

– Своих не будет, их ценности позаимствуют, и скажут быть «голубыми», Парламент проголосует – и все будут «голубыми»! – мужик ухмыльнулся. – Удар по традиционным ценностям!

– Еще скажу, что Украиной управляет не Яценюк и не этот новый шоколадный президент, а реальный глава – Герман Ван Ромпей. А он работает в интересах госдепартамента США, который дает деньги, и он уже распределяет по местам. Вот так вот!

«Какой подкованный водитель попался, – думала Богдана. – У них тут своя четкая теория есть, все-то они знают! Во всем разобрались! Пятая колонна, нацистские ценности, «голубые», Ван Ромпей. Кто-то очень хорошо поработал, чтобы вложить им это в головы. Не сами же они догадались».

Они уже ехали по сельской местности. Кругом были зеленые поля с ярко-желтыми латками цветущего рапса. Аисты длинноногими часовыми провожали их взглядом из своих гнезд. Порой в машину вместе с прохладным ветерком залетал толстый шмель и, громко жужжа, метался по салону. Природа была спокойной, умиротворенной, она будто не слышала о войне. Травы продолжали так же расти, цветы – цвести, солнце – заливать мир теплым светом. Богдану разморила дремота. «Саша, – думала она. – Осталось совсем чуть-чуть: пересечь границу, и там ты меня встретишь!

Обнимешь, поцелуешь – и больше мы не расстанемся.
Никогда!»

* * *

На таможне была большая очередь. Богдана заплатила мужчинам, те выгрузили ее чемодан, и она стала в хвост колонны. Ожидание могло затянуться на несколько часов: очередь двигалась медленно. Богдана написала смс Саше: «Уже на границе! Так что не волнуйся, все позади!» И начала рассматривать стоящих вокруг людей. Многие выглядели напуганными и подавленными. Разговоры были тихими, отрывистыми, Богдана старалась в них вслушаться. – А что мы? Мы – заложники ситуации, – говорила одна женщина другой, пожимая плечами.

– Поедем с семьей в Липецк, к тетке. Город такой же, как Луганск, небольшой, уютный. Но там хоть разрухи нет! Промышленность работает, везде во дворах новенькие детские площадки...

– Как нельзя разделить Святую Троицу: Отца, Сына и Святого Духа, так нельзя разделить Россию, Украину и Белоруссию – это вместе Святая Русь! – проповедовал какой-то старик чуть дальше к блокпосту. – И все вместе мы составляем великое, обещанное пророчествами, священное православное братство, которое будет Ковчегом Спасения для всего мира!

Никто ему ничего не отвечал, но и не просили замолчать.

– Добро пожаловать в Новороссию! – кричал он людям, въезжающим в Украину.

«Опять крестовые походы. Опять новый виток той же спирали. Бог, действительно ли ты этого хочешь?»

Людей в камуфляже без нашивок на таможенном пункте было очень много. Богдана подала свой паспорт в окошко.

– Из Киева?

– Да.

– Почему здесь пересекаете границу?

– Еду в этом направлении, в Волгоград.

Таможенник подозрительно посмотрел на нее.

– Пройдите на досмотр.

Богдана раскрыла свой чемодан. Парень с автоматом за плечами присел на корточки и начал внимательно осматривать его содержимое. Он открывал все кармашки: одежда, книги, плеер...

– Это что? Вы журналист? – он вытащил ее пресс-карту.

– Да, – от его тона Богдане вдруг стало не по себе.

– Информацию здесь собираете?

– Нет! Я по личным делам, по семейным еду!

– На Майдане стояла? – парень вдруг перешел на ты.

– Я... да, стояла...

– Камни, «коктейли Молотова» в «Беркут» бросала?

Богдана молчала.

– Задержана! Пойдем, поговорим, – он взял ее за локоть.

– Не имеете права! – Богдана попыталась выхватить руку. Тут же подбежали еще двое мужчин в военном и, не церемонясь, схватили ее и чемодан. Из раскрытого чемодана посыпались вещи. На асфальт выпала футболка с Бандерой и распласталась по нему ярким ядовитым цветком.

Таможенник медленно поднял ее.

– Так ты бендеровка! – он ухмыльнулся и покачал головой.

– Бендеровка! – крикнула женщина в очереди.

– Поймали бендеровку, тварь! – понеслось дальше в толпу.

– Держи ее, суку!

Ее быстро увели в закрытую машину и отобрали телефон. Возле дверцы к ней подскочил полный мужчина в штатском с перекошенным лицом и заорал на ухо: «Я б тебя сам лично убил, фашистская мразь! Когда тебя отпустят, я тебя поймаю и утоплю в речке!» Его оттолкнули, Богдане надели на голову мешок.

– Пожалуйста, – она заплакала. – Это недоразумение. Я еду к мужу в Россию. Я просто обычная девочка, посмотрите на меня! Я ничего не сделала! Я даже толком не понимаю, что здесь вообще происходит! Умоляю вас, вы же все нормальные люди! Я вам в дочери гожусь! Вы же сами знаете, что так нельзя. Это не по-человечески! Пожалуйста, отпустите меня!

Никто ничего не отвечал ей.

– Подумайте, что вы делаете? Это же преступление! Нас просто натравили друг на друга, как собак, заставили

ненавидеть. А вы схватили ребенка и рады! Я обычная киевлянка, как тысячи и миллионы других. Я не фашистка, не нацистка, не бандеровка! Это все миф, придуманный для того, чтоб вы нас ненавидели, чтоб была война. Разве она вам нужна?

– Помолчи! С тобой поговорят, когда нужно, – отозвался один.

– Можно мне позвонить мужу?

– Нет!

Богдану трясло. Руки и ноги ходили ходуном. Когда ее высаживали из машины, она почувствовала, что не может идти. Тогда чья-то лапа железной хваткой взяла ее за плечо и потянула вперед, она же и удерживала в воздухе, когда у Богданы заплетались ноги или она спотыкалась. Через несколько метров они остановились. «Голову!» – крикнул мужчина. Богдана не поняла. Ей резко наклонили голову, и прохлада и сырость подвала пахнули ей в лицо. За шкуру ее свели по ступенькам и посадили на стул в углу.

– Еще одна шпионка прибыла! – гаркнули рядом.

– Попалась? Ну пусть посидит, подумает!

Мешок сняли. Когда мужчины ушли, Богдана осмотрелась. У правой стены на широкой скамье сидела женщина. В темноте не было видно ее лица.

– Что они со мной будут делать? – спросила Богдана.

– Допрашивать, – ответила та глухо.

– Бить будут?

– Не знаю. Будут угрожать, морально давить.

– Они... изнасилуют меня?

– Откуда я знаю, меня пока не насиловали.

– А вы давно здесь?

– Позавчера привезли утром.

Спрашивать «за что?» казалось Богдане глупым, она понимала, что ни за что, так же, как и ее. Оттого, что рядом есть другая такая же женщина, становилось чуть спокойнее.

– Как вас зовут?

– Ира.

– Меня Богдана. Вы тоже журналистка?

– Да. Снимала в Счастье, в Донецке. А здесь не получилось.

– Вас уже допрашивали?

– Если это можно назвать допросом, – усмехнулась она. –

Меня сначала заперли в комнате в административном здании.

Где-то здесь, неподалеку, в каком-то поселке. И проводили со мной разъяснительную беседу. Говорили, что я их гостья!

У нее снова вырвался смешок.

– Какая гостья, если я сижу взаперти? Потом просто угрожали. Рассказывали про химическое оружие, которое якобы использует украинская армия, зарезанных детей.

Мол, украинский военный идет по улице, хватает первого попавшегося мирного жителя и вспарывает ему живот. Труп

– в одну сторону. Кишки – в другую. Я просто слушала, ничего не отвечала. Потом перевезли в этот подвал.

Они помолчали.

– Я даже не смогла никому сообщить, – тяжело вздохнула Богдана.

– Ничего, скоро канал начнет искать. Они занимаются этим вопросом, если журналист не выходит на связь.

– Я не по заданию. Я уволилась перед выездом.

Время в темноте тянулось очень медленно. Солнечные лучи не проникали в подвал. Только из коридора, из-под двери, просачивался свет от тусклой лампы. Изредка слышались низкие мужские голоса. Богдана встала и прошла по подвалу. Он был небольшой, примерно три на три метра. Но тут же почувствовала слабость и снова села на стул. Тревога внутри, как черная дыра, высосала из нее всю энергию.

Прошло несколько часов, как показалось Богдане, – и ее повели на допрос. В соседнем помещении того же подвала ей направили в лицо луч фонаря, и высокий мужчина в черной майке и татуировках, играя оружием, начал задавать ей вопросы. Разговор записывался на камеру. Вопросы были о Правом секторе и Яроше. Богдана ничего не знала.

Какую ты информацию собирала?

– Никакую! Я не по работе, я ехала к мужу.

– Подробно расскажи весь свой путь, как ты ехала, где была?

– До Луганска на поезде, потом прошла до центра города, там мне подсказали, как проехать к границе, я села на попутку и доехала до таможни. Все!

– С кем разговаривала? Кому звонила по дороге?

– Да ни с кем! Никому не звонила, только мужу! У вас есть мой телефон, вы можете проверить!

– Не волнуйся, проверим!

– Проверьте также, что я занималась модой, никакой политики!

– Не указывай, что нам делать!

Мужчина схватил ее за волосы и потянул голову вниз.

Богдана закричала.

– Выключите камеру! – крикнул допрашивающий.

Через секунду после того, как съемка остановилась, тот же голос сказал:

– Принесите нож!

У Богданы перехватило дыхание.

– Не надо, - взмолилась она и зарыдала. – Я, правда, ничего не знаю! Я все вам рассказала!

Он играл ножом у нее перед глазами.

– Я клянусь вам! Я самая обычная девочка! Я ехала к мужу! Я оказалась здесь случайно! – от сердцебиения голос ее пропадал.

Он полоснул ей ножом по майке, распоров ее снизу доверху.

На несколько секунд Богдана отключилась. Она пришла в себя, когда ее уже тащили назад в первую комнату. Снова посадили на тот же стул. Богдана отдышалась, сжала голову руками, пытаясь унять боль.

– Что с нами будет? Нас отпустят живыми? – спросила она Иру.

– Вряд ли они будут убивать нас, – ответила та. – Может быть, обменяют на кого-то из своих потом.

– И сколько все это продлится? – Богдана подумала о Саше. Женщина не ответила.

От страха мысли все время путались. То Богдана представляла, как не находит себе места Саша, звонит ей и попадает на элэнэровца-сепаратиста. Может, у него требуют выкуп, угрожают? То думала, как напишет сенсационную статью о пребывании в плену. О том, что она может не вернуться, Богдана старалась не думать. Старалась. Но получилось плохо. Липкая, назойливая мысль, что это последние дни ее жизни, ползала, извиваясь ядовитой змеей, по всему ее телу. Она сдавила ей судорогой живот, обвила холодом сердце, потом застряла в горле противным комом и, наконец, заползла в мозг – и там расположилась, обвинив кольцами правое и левое полушария. Хотелось снова отключиться. Хотелось хоть что-то сделать: позвонить, написать, сказать! Но мрачная тишина, молчаливая женщина и бетонные стены подвала связывали ей руки.

Через несколько часов Богдана беспокойно заснула, сидя на стуле. Сквозь сон она слышала, как в камеру кто-то зашел. Топот ботинок, копошение, они увели Иру. Потом толкнули ее стул.

– Поднимайся. Идем!

На голову снова надели мешок. Богдана видела только свои ноги и казавшуюся серой в предрассветном тумане траву.

Опять ее посадили в машину и куда-то повезли. На этот раз ехали с нею двое молодых парней, судя по акценту, русских. Им было очень весело, всю дорогу они шутили.

– Знаешь, куда мы едем, бендеровка?

– Далеко-далеко, туда, где тебя никто не найдет!

– Думаешь, мы тебя будем насиловать?

– Нет!

– Думаешь, мы тебя убьем?

– Нет!

– Мы тебя живьем закопаем! Ха-ха-ха...

Ей сняли мешок с головы в поле. Она увидела перед собой золотую ниву, уходящую вдаль до горизонта, и небо, залитое первыми лучами солнца. Конвой и машина были у нее за спиной.

– Не оборачивайся. Иди, бендеровка! – парень громко харкнул и сплюнул на землю.

– А мой паспорт? – тихо спросила Богдана.

– Ничего не знаем, вали, – сказал другой, и ее в спину подтолкнуло дуло автомата.

Она двинулась и, не удержавшись на ватных ногах, пошатнулась назад. Прозвучал выстрел. Богдана вскрикнула – и упала в траву.

– Я думал, она сейчас кинется на меня, – затараторил парень.

– Она сделала резкое движение!

Богдана упала лицом в прохладную зелень. Так же, как и год назад, она лежала в поле не в силах пошевелиться и

чувствовала, как роса холодит ее щеку. Но теперь она точно знала, что за ней никто не придет. Она понимала, что последний раз видит эту черную землю, эти молодые травинки, свою подрагивающую руку. Чувствовала, как под нею расплывается вязкая лужа. И вот она уже лежит лицом в крови. Ей было стыдно, что она подвела Сашу.

«Любимый, любимый, я так хотела к тебе!» Сознание начало путаться. Она пыталась вспомнить самое главное. Что же, что же она так и не успела? Ах, да... «Боже, прости меня за того беркутовца», – беззвучно прошептала она. Птицы на ее плече рвались ввысь.

Парни сняли маски. Под ними оказались молодые растерянные лица.

– Леха, ты прикроешь меня, подтвердишь, что она сопротивлялась? – не унимался солдат.

Леша, брат Саши, склонился над девушкой.

– Симпатичная была!

– Ты же видел, я не хотел! Я не специально!

– Да, успокойся, мы же и приехали мочить нацистов. Одной бендеровкой меньше. Давай уберем ее куда-то.

* * *

– Леш, вот ты бросаешься словами «фашисты», «бендеровцы», – говорил брату по телефону Саша. – А ты хоть разбирался в этих понятиях? По каким признакам

режим можно назвать фашистским? Есть ли эти признаки в Украине? За что боролся Бандера? Бандеровцы кажутся тебе какими-то чертями с рогами. Ты видишь только наклеенные ярлыки, а будешь убивать живых людей. С какими «бандеровцами» ты поехал воевать? С патриотами своей страны? Увидишь «бандеровца» – поговори с ним, выслушай... а потом возвращайся.

Сашу била лихорадка уже второй день. Богдана не выходила на связь. Он пытался перейти границу рядом с Луганском. – Леш, у меня пропала жена. Последний раз она писала мне, что подъезжает к таможне в Должанском. Я знаю, что ты там где-то рядом. Пожалуйста, поищи Богдану. Очень тебя прошу! Вот ее фотография.

Эпилог

За что умерла эта девочка? За что ее убили? Я не могу найти ответы на эти вопросы. Я не могу понять причины. Обычно в эпилоге пишут, что дальше стало с героями. А я не представляю, как теперь будут жить эти люди. Я боюсь даже братья за описание того, как переживет эту новость Саша. И я не знаю, почувствует, поймет ли что-то его брат. Пойдем ли что-то мы, русские и украинцы, так быстро и странно возненавидевшие друг друга? Сумеем ли преодолеть это? Сумеем ли простить друг друга? Любовь и прощение, которые Бог сделал своими столпами на земле, – победят ли они? Покажет время... А мы остаемся жить, любить свои

семьи, верить в свои идеалы, но только не ненавидеть!

Слышите? Не ненавидеть!